

БЕЗУМНО БОГАТАЯ КИТАЙСКАЯ ДЕВУШКА

РОМАН

От автора
бестселлера
«БЕЗУМНО БОГАТЫЕ
АЗИАТЫ»

КЕВИН КВАН

Бывают богатые люди, бывают неприлично богатые,
а бывают безумно богатые... «Гордость и предубеждение»
для новых времен.

PEOPLE

Кевин Кван
Безумно богатая
китайская девушка
Серия «Безумно богатые
азиаты», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287068
Кевин Кван Безумно богатая китайская девушка:
ISBN 978-5-389-17827-4

Аннотация

Для того чтобы пробиться в высший свет Сингапура и Гонконга, недостаточно иметь в кармане миллиард-другой, тут необходима особая стратегия и руководство опытного консультанта, иначе так и останешься жалким разбогатевшим выскочкой. При этом, оказывается, есть странные люди, которых тяготит принадлежность к элите, и они не готовы променять свою личную свободу на титул какого-нибудь «принца банкиров». Действительно, Ник, потомок известного рода и наследник грандиозного состояния, мечтает вырваться из круга избранных, чтобы избавиться от диктата своих родственников-снобов и наконец жениться на Рейчел – обычной китайской девушке американского происхождения. Точнее, происхождение ее пока

остается под вопросом: Рейчел выросла без отца, но упорно продолжает разыскивать его, не подозревая, чем обернется для нее эта встреча... Что же перевесит на весах судьбы самого завидного жениха в Азии – счастливая жизнь с любимой или огромное родовое имение в центре Сингапура?

«Безумно богатая китайская девушка» продолжает трилогию, начатую романом «Безумно богатые азиаты». Права на экранизацию этой книги купила Нина Джейкобсон – продюсер «Голодных игр», фильм «Безумно богатые азиаты» (режиссер Джон Чу, в главных ролях Констанс Ву и Генри Голдинг) стал в 2018 году одним из лидеров кинопроката, и уже снимаются продолжения.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	8
Часть первая	33
1	34
2	54
3	66
4	80
5	87
6	103
7	122
8	136
9	149
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Кевин Кван

Безумно богатая китайская девушка

Kevin Kwan

CHINA RICH GIRLFRIEND

Copyright © 2015 by Kevin Kwan

All rights reserved

Перевод с английского Натальи Власовой

Оформление обложки Виктории Манацковой

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. Н. Власова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моим братьям,

Лондон, 8 сентября 2012 года, 9:00

Сегодня приблизительно между четырьмя и половиной пятого утра красный «Феррари 458 Италия» врезался в витрину обувного бутика Джимми Чу на Слоун-стрит¹. Свидетелей аварии нет. Столичная полиция сообщила, что двое пассажиров получили ранения – к счастью, несерьезные – и были доставлены в больницу Святой Марии в районе Паддингтон. Имя владельца автомобиля не разглашается в интересах дальнейшего расследования.

Сара Лир, «Лондон кроникл»

¹ *Слоун-стрит* – фешенебельная торговая улица в Лондоне. – *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

Пролог

Пекинский международный аэропорт

9 сентября 2012 года, 19:45

Погодите-ка, я же лечу первым классом, вот и проводите меня в салон первого класса, – презрительно бросил Эдисон Чэн провожавшему его к креслу стюарду в отутюженной до хруста темно-синей униформе.

– Это и есть первый класс, мистер Чэн, – сообщил тот.

– Минуточку! А где отдельные отсеки? – Эдди был сбит с толку.

– Мистер Чэн, я боюсь, у «Бритиш эйрвейз» нет отдельных отсеков в первом классе². Но если позволите, я продемонстрирую вам особые функции вашего кресла...

– Не надо, все нормально! – Эдди швырнул портфель из кожи страуса на сиденье, как раздосадованный школьник.

Черт возьми, на какие жертвы приходится идти сегодня

² К несчастью для Эдди, только авиакомпании «Эмирейтс», «Этихад эйрвейз» и «Сингапур эйрлайнс» обустроили частные каюты на своих аэробусах А380. На борту самолета «Эмирейтс» даже есть две ваннные комнаты с роскошными душевыми кабинами для путешествующих первым классом. (Любители заняться сексом в самолете, возьмите на заметку!) – *Примеч. автора.*

ради банка! Эдисон Чэн, избалованный «принц частных банкиров», мелькающий на страницах светских хроник Гонконга, которые описывали его умение жить на широкую ногу, его изысканный гардероб, элегантную жену Фиону, фотогеничных детей и благородное происхождение (еще бы, мать Эдди – Александра Янг, из тех самых сингапурских Янгов), попросту не привык к подобным неудобствам. Пять часов назад ему не дали закончить обед в гонконгском клубе, запихнули в самолет, принадлежавший компании, и отправили в Пекин, где ему предстояло пересесть на этот вшивый рейс до Лондона. Прошло много лет с того дня, когда Эдди Чэн в последний раз с негодованием поднимался на борт обычного коммерческого перевозчика, но в этом убогом самолете летела миссис Бао, и ей нужно было угодить.

Но где же она? Эдди ожидал увидеть ее в соседнем кресле, однако старший бортпроводник сообщил, что в салоне нет дамы с таким именем.

– Нет-нет, она должна быть здесь. Вы можете проверить список пассажиров? Сделайте же хоть что-нибудь! – настаивал Эдди.

Через несколько минут он уже добрался до тридцать седьмого ряда экономкласса, где на месте Е, зажата между двумя пассажирами, сидела миниатюрная женщина в белой водолазке из тончайшей шерсти ламы и в серых фланелевых брюках.

– Миссис Бао? Бао Шаоянь? – спросил Эдди на путунхуа³.
Женщина подняла голову и слабо улыбнулась:

– Вы мистер Чэн?

– Да. Я счастлив с вами познакомиться. Жаль, что мы встретились при подобных обстоятельствах.

Эдди с облегчением улыбнулся. Последние восемь лет он управлял офшорными счетами семьи Бао, однако клиенты были такими таинственными, что он никогда не видел их до сегодняшнего дня. Миссис Бао выглядела довольно уставшей, но была гораздо красивее, чем он предполагал. Албастровая кожа; большие раскосые глаза, слегка приподнятые к вискам; высокие скулы, которые подчеркивала прическа: черные волосы Бао Шаоянь были стянуты в хвост на затылке. Она казалась слишком молодой, чтобы иметь сына, обучающегося в магистратуре.

– Почему вы здесь? Что-то перепутали? – участливо поинтересовался Эдди.

– Я всегда летаю экономклассом.

Эдди не мог скрыть удивления. Ее муж Бао Гаолян числился среди ведущих политиков Пекина, и более того – он унаследовал одну из крупнейших фармацевтических фирм Китая. Бао были не просто постоянными клиентами Эдди – они были клиентами со сверхвысоким доходом.

– Первым классом летает только мой сын, – пояснила Бао

³ *Путунхуа* – официальный государственный язык в КНР, основанный на проинозительной норме пекинского диалекта.

Шаоянь, уловив взгляд Эдди. — Карлтон обожает всю эту необычную западную еду, кроме того, как любой студент, мальчик постоянно испытывает давление, и потом, ему всегда нужно все самое лучшее. А я обойдусь. Я не притрагиваюсь к еде в самолете и все равно не могу спать во время долгих перелетов.

Эдди с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. *Типичные материковые китайцы!* Все до гроша тратили на своего Маленького Императора и страдали молча. И посмотрите, что получилось! Предполагалось, что двадцатитрехлетний Карлтон Бао завершает в Кембридже выпускную магистерскую диссертацию, однако вчера вечером он вовсе подражал принцу Гарри, записав тридцать восемь тысяч фунтов на счет в десятке лондонских ночных клубов, разбил в хлам совершенно новый «феррари», нанес урон общественной собственности и сам чуть не убился. И это еще не худшее. Хуже всего то, что Эдди настоятельно рекомендовали не сообщать подробностей матери.

В общем, не хватало только дилеммы, с которой он столкнулся. Срочно нужно было обсудить планы с миссис Бао, но неужели для этого придется одиннадцать часов мучиться во втором классе? Да он скорее готов согласиться на колониоскопию! Господи, а что, если кто-то узнает его? Фотка Эдисона Чэна, втиснувшегося в кресло экономкласса, за считанные секунды станет вирусной. И все же Эдди с неохотой признал: неприлично будет оставить одну из самых важных кли-

енток в хвосте самолета, а самому перейти в носовой отсек и растянуться там на кресле-кровати, потягивая коньяк двадцатилетней выдержки. Он посмотрел на юношу с рваной челкой, который сидел в опасной близости от миссис Бао с одной стороны, на пожилую женщину, вцепившуюся в бумажный гигиенический пакет с другой, – и внезапно его озаарило.

Понизив голос, Эдди сказал:

– Миссис Бао, я, конечно, с радостью присоединился бы к вам, но, поскольку мы должны обсудить некоторые *весьма конфиденциальные* вопросы, не разрешите ли вы организовать для вас место в первом классе? Я уверен, банк будет настаивать, чтобы я пересадил вас туда – за наш счет, безусловно, – и мы сможем поговорить там с глазу на глаз.

– Ну... если банк настаивает... – ответила Бао Шаоянь немного нерешительно.

После взлета, когда подали аперитив и они удобно расположились напротив друг друга на роскошных сиденьях, похожих на стручки фасоли, Эдди не стал терять времени зря и ввел клиентку в курс дела:

– Миссис Бао, я звонил в Лондон как раз перед посадкой. Состояние вашего сына стабильное. Операция по восстановлению пробитой селезенки прошла успешно, и теперь им занимается целая команда ортопедов.

– О, слава богам! – Бао Шаоянь вздохнула, впервые расслабившись, с тех пор как села в это кресло.

– Мы пригласили лучшего специалиста по реконструктивной пластической хирургии в Лондоне – доктора Питера Эшли, – и он будет работать в операционной вместе с ортопедами.

– Мой бедный мальчик! – выдохнула Бао Шаоянь, и глаза ее увлажнились.

– Вашему сыну очень повезло!

– А девушка? Англичанка.

– Девушка все еще находится в операционной. Но я уверен, она выкарабкается, – сказал Эдди, улыбнувшись своей самой очаровательной улыбкой.

Каких-то тридцать минут назад Эдди сидел в другом самолете, припаркованном в частном ангаре в международном аэропорту Пекина, и выслушивал мрачные подробности случившегося. Ситуация сложилась кризисная, поэтому была срочно организована встреча с господином Тином, седовласым начальником службы безопасности семейства Бао, и Найджелом Томлинсоном, главой азиатского отделения банка, в котором работал Эдисон. Двое мужчин поднялись на борт «лирджета» сразу после его приземления и вместе с Эдди сгрудились перед ноутбуком Найджела, в то время как его коллега из Лондона делился последними новостями по видеосвязи, используя защищенный канал передачи данных.

– Карлтона только что привезли из операционной. Его потрепало, но на самом деле он пострадал меньше прочих бла-

годаря тому, что сидел в водительском кресле... Подушка безопасности сработала и так далее. Состояние англичанки критическое, она все еще в коме, врачи уменьшили отек мозга, но пока больше ничего сделать не могут...

– А *вторая* девушка? – спросил мистер Тин и, сощурившись, всмотрелся в маленькое всплывающее окошко.

– Нам сказали, что она погибла в аварии.

Найджел вздохнул:

– Она китаянка?

– Похоже на то, сэр.

– Черт, дело-то фиговое! – покачал головой Эдди. – Нужно срочно отыскать ее ближайших родственников, прежде чем они свяжутся с властями.

– Как вообще можно впихнуться втроем в «феррари»? – спросил Найджел.

Мистер Тин нервно вертел телефон на лакированной консоли из орехового дерева.

– Отец Карлтона Бао находится с государственным визитом в Канаде вместе с премьер-министром Китая, и эту поездку нельзя прервать, – сказал он. – Миссис Бао велела оберегать мужа, чтобы до него не долетели даже обрывки разговоров. Никаких намеков на скандал! Господин Бао вообще не должен узнать о погибшей девушке. Вы понимаете? На карту поставлено слишком многое, учитывая его политическую позицию. Тем более сейчас щекотливый момент: происходит масштабное изменение в руководстве партии, что

случается раз в десять лет.

– Конечно, конечно, – заверил его Найджел. – Скажем, что англичанка была его подружкой. А отец пусть считает, что в машине была только одна девушка.

– Зачем мистеру Бао вообще знать о белой девушке? Не волнуйтесь, мистер Тин. Мне приходилось разруливать истории и похуже с богатенькими детишками шейхов, – похвастался Эдди.

Найджел бросил на него предупреждающий взгляд. Банк гордился своей предельной конфиденциальностью, а его коллега распустил язык. Ни слова о других клиентах!

– В Лондоне у нас есть группа тактического реагирования, которой я лично руковожу, и, заверяю вас, мы сделаем все, чтобы замять скандал, – произнес Найджел и обратился к Эдди: – Как вы думаете, сколько потребуется, чтобы уговорить газетчиков на Флит-стрит?

Эдди глубоко вдохнул, пытаясь быстренько прикинуть сумму:

– Замолчать придется не только прессе. Есть еще полицейские, водители «скорой помощи», персонал больницы, родственники... Надо будет заткнуть рот целой куче народу. Думаю, для начала десять миллионов долларов.

– Как только приземлитесь в Лондоне, везите миссис Бао прямо в офис. Нам нужно, чтобы она подписала документы на снятие средств, прежде чем отвезти ее в больницу к сыну. Интересно, что мы скажем, если мистер Бао поинтересуется,

зачем нам такая куча бабла? – размышлял вслух Найджел.

– Просто скажите, что девушке потребовалась пересадка органов, – предложил господин Тин.

– А еще можем сказать, что нужно возместить убытки буттика, – добавил Эдди. – «Джимми Чу» – чертовски дорогая марка, как вы знаете.

Гайд-парк, 2

Лондон, 10 сентября 2012 года

Элинор Янг потягивала утренний чай, продумывая свою маленькую невинную ложь. Она отдыхала в Лондоне с тремя ближайшими подругами – с Лореной Лим, Надин Шоу и Дейзи Фу. После двух дней пребывания с дамами нон-стоп ей отчаянно требовалось провести несколько часов в одиночестве. Поездка должна была отвлечь всех четверых. Лорена приходила в себя после аллергии на ботокс, Дейзи в очередной раз поцапалась с невесткой из-за выбора детского сада для своих внуков, сама Элинор переживала, что ее сын Ники не разговаривает с ней более двух лет. А Надин? Ну, Надин была потрясена новой квартирой дочери.

– Аламак!⁴ Пятьдесят миллионов долларов, а я даже в туалете не могу за собой смыть?! – взвизгнула Надин, входя в

⁴ Аламак – одно из самых популярных восклицаний в Сингапуре, заимствованное из малайского языка, выражает разочарование.

утреннюю столовую.

– Чего ты хочешь, когда кругом сплошной хай-тек? – хихикнула Лорена. – Этот хитрый унитаз хотя бы помог тебе зад подмыть? – Последние слова она произнесла на южно-миньском диалекте.

– Нет, лах!⁵ Я махала перед всеми этими глупыми сенсорами – и ничего не произошло! – Расстроенная Надин плюхнулась в ультрасовременное кресло, которое напоминало груды красных бархатных веревок.

– Не хочу критиковать, но мне кажется, квартира твоей дочки не просто суперсовременная, но и излишне дорогая, – прокомментировала Дейзи, жуя тост с абоном⁶.

– Ай-я, она же платит за имя и за место, а не за что-то еще, – фыркнула Элино́р. – Лично я выбрала бы квартиру с приятным видом на Гайд-парк, а не на «Харви Николс».

– Вы же знаете мою Франческу, лах! Ей плевать на парк! Она хочет засыпать, глядя на витрину любимого магазина. Слава богу, моя дочь наконец-то вышла замуж за того, кто может покрывать задолженность по кредитке, – вздохнула Надин.

Дамы притихли. У Надин дела шли со скрипом, с тех пор как ее свекор, сэр Рональд Шоу, очнулся от шестилетней ко-

⁵ *Лак* – произносится как нечто среднее между «ла» и «лах», усиливает высказывание сродни частице «же».

⁶ *Абон* – блюдо индонезийской кухни; мелкие кусочки говядины, куритины, рыбы или морепродуктов, обжаренные в кокосовом молоке или соевом соусе со специями.

мы и перекрыл денежный кран на свободные расходы своей семьи. Ее расточительная дочь Франческа (однажды попавшая в список «Пятидесяти самых изысканно одетых женщин» от «Сингапур татл») не слишком обрадовалась тому, что ей урезали бюджет на наряды, и решила, что лучшее решение – закрутить дерзкий роман с Родериком Ляном (да-да, «Финансовая группа Лян»), не так давно женившимся на Лорен Ли. Общественность Сингапура была взбудоражена, а бабушка Лорен, грозная миссис Ли Юнчэн, нанесла ответный удар и убедила всех представителей старой гвардии в Юго-Восточной Азии закрыть свои двери для Шоу и Лянов. В конце концов жестоко наказанный Родерик предпочел приползти на коленях к жене, а не бежать с Франческой.

Оказавшись в опале, Франческа удрала в Англию и быстро поправила свое положение, выскочив замуж за «иранского еврея с состоянием в полмиллиарда долларов» (по данным Кассандры Шан, она же Радио Азия Один). После переезда в дом номер два, Гайд-парк, – непристойно дорогой кондоминиум, построенный при поддержке семьи правителя Катара, – Франческа наконец-то снова начала общаться с матерью. Естественно, это дало дамам повод провести молодых людей, хотя, конечно, подруги просто хотели поглазеть на широко разрекламированную квартиру и, что еще важнее, пожить в Лондоне на дармовщинку⁷.

⁷ Женщины круга Элинор скорее предпочтут разбить лагерь и ночевать по шесть человек в комнате или спать на полу в квартире малознакомого человека,

Пока они обсуждали дневную программу покупок, Элинор начала плести свою маленькую спасительную ложь:

– Я не могу пойти на шопинг этим утром. Встречаюсь с этими ску-у-у-чнющими Шанами. Мне нужно хотя бы один раз увидаться с ними, пока я здесь, иначе они оскорбятся до глубины души.

– Не надо было говорить им, что приедешь, – упрекнула Дейзи.

– Аламак, ты знаешь, что Кассандра Шан узнает рано или поздно! Такое чувство, что у нее встроен какой-то особый радар. Если до нее докатится новость, что я побывала в Англии и не отдала дань уважения ее родителям, то пересудам не будет конца и края. Что поделаешь? Это проклятие – быть замужем за одним из Янгов, – посетовала Элинор, делая вид, что горюет над своей судьбой.

В действительности, несмотря на то что она была замужем за Филипом Янгом более трех десятилетий, его двоюродная родня – царственные Шаны, как их все называли, – никогда не оказывала ей особых почестей. Если бы Филип притащился с ней, их бы наверняка пригласили в роскошное поместье Шанов в Суррее или, по крайней мере, на ужин в городе, но всякий раз, когда Элинор приезжала в Англию одна, Шаны отмалчивались.

Что и говорить, Элинор давно уже не пыталась вписаться

чем тратить деньги на отели. Они же, глазом не моргнув, охотно выложат 90 000 долларов за жемчужную побрякушку во время отпуска. – *Примеч. автора.*

в снобистский, замкнутый клан мужа. Зато придуманная ею хитрость могла потушить любопытство подруг, любивших совать нос не в свое дело. Если бы она заикнулась о встрече с кем-то другим, дамы наверняка набились бы в компанию, однако простое упоминание Шанов их отпугнет и они не станут задавать слишком много вопросов.

Итак, ее подружки решили провести утро, пробуя бесплатные деликатесы для гурманов в знаменитых кулинарных залах универмага «Харродс». Ну а Элино́р, облачившись в сдержанный, но шикарный брючный костюм цвета кэмел от швейцарского модного дома «Акрис», спортивное зеленое пальто «Макс Мара» и нацепив на нос ставшие ее визитной карточкой солнцезащитные очки от «Катлер энд Гросс»⁸, вышла из шикарного здания на Найтсбридж и прошла два квартала на восток к отелю «Беркли». Там ее ждал серебристый «Ягуар ХЛ», припаркованный перед рядом идеально подстриженных кустов. Элино́р мучил параноидальный страх, ей казалось, что подружки следят за ней, и она быстро огляделась, прежде чем нырнуть в седан и умчаться прочь.

На Коннот-стрит в Мэйфере Элино́р остановилась перед шикарным рядом таунхаусов. Не было даже намека на то, что скрывается за красно-белыми кирпичными георгианскими фасадами и глянцевыми черными дверями. Она нажала

⁸ Элино́р, которая обычно не носила дорогой дизайнерской одежды и хвасталась, что она «начала испытывать усталость от нашумевших брендов еще в семидесятых», приберегла несколько вещей для особых случаев, таких как сегодня. — *Примеч. автора.*

кнопку домофона, и чей-то голос почти сразу отозвался:

– Что вам угодно?

– Я Элино́р Янг, мне назначена встреча на десять утра, – произнесла Элино́р с преувеличенным британским акцентом.

Не успела она договорить, как несколько защелок клацнули и чудовищно толстый мужчина открыл дверь. На нем был костюм в тонкую полоску. Элино́р вошла в светлую строгую прихожую, где привлекательная молодая женщина сидела за кобальтово-синим столиком от «Мезон Жансен». Она мило улыбнулась и сказала:

– Доброе утро, миссис Янг. Придется немножко подождать. Вас вызовут.

Элино́р кивнула. Она хорошо знала процедуру. Дальняя стена представляла собой несколько стеклянных дверей, через которые можно было попасть в частный садик, и Элино́р увидела через стекло лысого мужчину в черном костюме, явно направлявшегося к ней. Толстый швейцар в полосатом костюме подвел ее к лысому господину, сказав просто: «Миссис Янг к мистеру Д’Або». Элино́р обратила внимание, что они оба носили едва заметные наушники. Лысый проводил ее по дорожке со стеклянным навесом, которая делила дворик пополам, мимо аккуратно подстриженных кустов в соседнее здание – ультрасовременный бункер из черного титана и тонированного стекла.

– Миссис Янг к мистеру Д’Або, – повторил мужчина, и

очередной набор замков безопасности открылся.

После короткой поездки на лифте Элино́р вошла в богато обставленную приемную «Лихтенберг групп», одного из самых привилегированных частных банков мира. И лишь тогда почувствовала облегчение.

Как и другие азиаты с высокими доходами, Элино́р имела счета во многих финансовых учреждениях. Ее родители потеряли значительную часть состояния во время Второй мировой войны, когда были отправлены японскими оккупантами в концлагерь Эндау, поэтому внушили своим детям ключевую мантру: «Никогда не кладите все яйца в одну корзину». Элино́р, сколотив собственный капитал, все эти десятилетия не забывала о родительском наставлении. Не важно, что родной город Сингапур превратился в один из самых надежных финансовых центров планеты, – Элино́р, как и многие ее друзья, по привычке хранила деньги в разных банках по всему миру, в безопасных хранилищах, название которых предпочитали держать в тайне.

Однако счет в «Лихтенберг групп» был драгоценным камнем в ее короне. Именно этот банк управлял крупнейшей частью активов Элино́р, и Питер Д'Або, ее личный менеджер, неизменно обеспечивал ей самую высокую прибыль. По крайней мере раз в год Элино́р находила повод приехать в Лондон, чтобы с наслаждением погрузиться в изучение банковской выписки, любезно предоставленной ей Питером. (Вдобавок он напоминал ее любимого актера Ричарда

Чемберлена – как же он был хорош, когда снимался в «Поющих в терновнике»! – и частенько Элино́р, сидя за отполированным до зеркального блеска письменным столом эбенового дерева напротив Питера, представляла его в рясе священника, пока тот объяснял, в какую гениальную новую схему вложил ее деньги.)

Элино́р, ожидая в приемной, в последний раз бросила взгляд на свои покрашенные губы в крошечное зеркальце шелкового футляра для губной помады от Джима Томпсона. Потом рассеянно посмотрела на огромную стеклянную вазу с фиолетовыми лилиями и каллами. Восхитительно! Любуясь ярко-зелеными стеблями, скрученными в плотную спираль, она думала о том, сколько британских фунтов отнимет у нее поездка. На этой неделе сингапурский доллар имел тенденцию к ослаблению, поэтому в данный момент лучше расплачиваться в фунтах. Вчера Дейзи заплатила за ланч, а Лорена накрыла ужин, так что сегодня ее очередь угощать. Три подруги договорились раскошеливаться по очереди, пока они будут в Англии. Ведь бедняжке Надин так тяжело живет!

Двойные двери с серебристой окантовкой начали открываться, и Элино́р приподнялась в ожидании. Однако вместо Питера Д'Або вышла какая-то китайка в сопровождении Эдди Чэна.

– Боже мой, тетя Элли! Что ты здесь делаешь? – выпалил Эдди, прежде чем успел прикусить язык.

Элино́р, разумеется, знала, что племянник мужа работает в этом же банке, но Эдди возглавлял офис в Гонконге, и она никак не ожидала увидеть его здесь. Она же специально открыла счет в лондонском филиале, чтобы не сталкиваться ни с кем из знакомых! Повернув к Эдди багровое лицо, Элино́р, запинаясь, пробормотала:

– Ой, привет... Я тут... встречаюсь с одним своим другом за завтраком. – И подумала: «Ай-я, меня застукали!»

– Ах завтрак! – воскликнул Эдди, осознав всю неловкость момента. *Теперь эта манерная сучка откроет у нас счет.*

– Я приехала два дня назад. Мы тут с Надин Шоу... э-э-э... навещаем Франческу, – улыбнулась она. *Теперь вся эта чертова семейка пронюхает, что я храню деньги в Англии.*

– Да-да, Франческа Шоу. Кажется, она вышла замуж за какого-то араба? – поинтересовался Эдди. *А-ма⁹ беспокоилась, что дяде Филипу не на что жить. Погодите, вот услышит она про ЭТО!*

– Он иранский еврей, очень привлекательный. Недавно они переехали в квартиру в Гайд-парке, – промурлыкала Элино́р. *Слава богу, он никогда не узнает мой шестнадцатизначный номер счета.*

– Вау! Наверное, он хорошо зарабатывает! – воскликнул Эдди с притворным страхом. *Боже мой, мне придется зажарить Питера Д’Або, чтобы добыть ее счет, хотя он вряд ли мне что-то скажет, этот любитель набивных рубашечек.*

⁹ Бабушка.

– Думаю, он отлично зарабатывает. Он банкир, как и ты, – ответила Элино́р.

Она заметила, что кита́йкa рядом с Эдди занервничала и вместе с тем ей явно было любопытно, кто такая Элино́р. Для жительницы материкового Китая она была одета довольно элегантно и сдержанно. Наверное, важная клиентка. Разумеется, Эдди правильно сделал, что *не* представил их друг другу. Интересно, что они оба делают в Лондоне?

– Надеюсь, ты останешься довольна своим завтраком! – ухмыльнулся Эдди и увел прочь таинственную даму.

Эдди отвез Бао Шаоянь к сыну в реанимационное отделение больницы Святой Марии в Паддингтоне, а затем пригласил ее поужинать в «Мандарин китчен» на Куинсвей. Эдди решил, что хорошая порция лапши¹⁰ может взбодрить клиентку. Но, очевидно, женщины теряют аппетит, когда все время плачут. Шаоянь была совершенно не готова увидеть сына в таком виде. Его голова распухла до размеров арбуза, и везде торчали трубки – из носа, рта, шеи. Обе ноги сломаны, на руках ожоги второй степени, а незабинтованные части

¹⁰ Несмотря на то что ресторан необъяснимо напоминает греческую таверну 1980-х годов, с побеленными сводчатыми потолками, любители азиатской кухни слетаются в Лондон только для того, чтобы насладиться фирменными блюдами «Мандарин китчен» («Мандаринская кухня»). Больше нигде в мире нельзя отведать яйцо, извлеченное на свет вручную, а лапша, тушенная в опьяняющем имбирном соусе с зеленым луком, подается с гигантскими лобстерами, которые ежедневно вылавливаются из Шотландского моря. – *Примеч. автора.*

тела выглядели так, будто полностью раздроблены, как пластиковая бутылка, на которую наступили. Она хотела остаться с Карлтоном, но доктора не позволили. Время посещения подошло к концу. Никто не предупредил, что все настолько плохо. Почему никто не сказал ей об этом?! Почему мистер Тин промолчал? И где ее муж? Она ужасно злилась на него. Шаоянь бесило, что ей приходится разбираться со всем этим в одиночку, пока благоверный перерезает чертовы ленточки и пожимает руки канадцам.

Эдди ерзал на стуле, пока Шаоянь неудержимо рыдала перед ним. Почему она не может взять себя в руки? Карлтон же выжил! Несколько пластических операций – и будет как новенький. Может быть, даже лучше. В умелых руках Питера Эшли, Микеланджело с Харли-стрит, творящего настоящее волшебство, ее сын, вероятно, станет похож на китайскую версию актера Райана Гослинга.

До приезда в Лондон Эдди думал, что сможет все уладить за пару дней и останется время, чтобы примерить новый костюм из весенней коллекции Джо Моргана да прикупить пару ботинок от Джорджа Клеверли. Но в плотине возникла огромная брешь. Кто-то предупредил азиатскую прессу, и журналоги крутились вокруг, яростно вынюхивая, нельзя ли чем поживиться. Нужно срочно встретиться со своим человеком в Скотленд-Ярде. Необходимо связаться по своим каналам с Флит-стрит. Случившееся может стать достоянием общественности, и у Эдисона нет времени для истеричных

матерей.

Все было просто ужасно, хуже не придумаешь, и тут Эдди увидел краем глаза знакомый силуэт. Снова чертова тетушка Элли! На этот раз она вошла в ресторан вместе с миссис Фу, а еще с той теткой, что владела ювелирным домом «Л'Ориент», и безрассудной Надин Шоу. Черт возьми, почему все китайцы, посещающие Лондон, обедают в одних и тех же трех ресторанах?¹¹ Только этого ему и не хватало для полного счастья – самые известные во всей Азии кумушки-сплетницы стали свидетелями падения Бао Шаоянь! Но подождите! А что, если все не так уж плохо? После этого утра в банке Эдди знал, что тетя Элли кладет яйца в какие-то другие корзинки. Теперь он мог заставить ее сделать что угодно. И сейчас ему нужен тот, кому он может доверять, – чтобы утихомирить Бао Шаоянь, пока он займется решением проблем. Если ее увидят в Лондоне во время изумительного ужина с известными на всю Азию светскими львицами, это пойдет ей на пользу и собьет хищных репортеров со следа.

Эдди встал и подошел к круглому столу посреди зала. Элинор первой заметила приближение племянника и раздраженно стиснула зубы. *Конечно, Эдди Чэн приперся сюда! Этому идиоту лучше не упоминать о нашей утренней встрече, иначе я буду судиться с чертовым банком до поси-*

¹¹ Святая гастрономическая троица: «Фор сизонс» – самая вкусная жареная утка, «Мандарин китчен» – вышеупомянутая лапша с лобстерами и «Ройял Чайна» – лучшие димсамы. – *Примеч. автора.*

нения.

– Тетя Элли, ты ли это?

– О боже мой, Эдди! Что ты делаешь в Лондоне? – Элинор удивленно ахнула.

Эдди широко улыбнулся и наклонился, чтобы потрепать ее по щеке. *Боже мой, кто-нибудь, вручите ей уже «Оскар»!*

– Я здесь по делам. Какой приятный сюрприз видеть тебя здесь!

Элинор вздохнула с облегчением. *Слава богу, он подыгрывает.*

– Дамы, вы все знаете моего племянника из Гонконга? Его мать – сестра Филипа, Алекс, а отец – всемирно известный кардиохирург Малкольм Чэн.

– Ой, ну конечно же! Как тесен мир, лах! – восторженно зашебетали ее подруги.

– Как твоя мамочка? – нетерпеливо спросила Надин, хотя в жизни не встречалась с Александрой Чэн.

– Очень хорошо. Сейчас в Бангкоке, навещает тетю Кэт.

– Да-да, вашу тайскую тетушку, – протянула Надин с благоговением, зная, что Кэтрин Янг вышла замуж за представителя тайской аристократии.

Элинор с трудом удержалась, чтобы не закатить глаза. Вот ведь Эдди! Не упускает ни единого шанса похвастаться своими связями. Эдди меж тем переключился на китайский и проворковал:

– Позвольте представить вас, милые дамы, миссис Бао

Шаоянь.

Женщины вежливо кивнули незнакомке. Надин сразу оценила кашемировый кардиган «Лоро Пиана», красивую юбку-карандаш от модного дома «Селин», удобные туфли «Робер Клержери» на низком каблуке и симпатичную лакированную кожаную сумочку непонятной марки. *Вердикт: скучно, но неожиданно элегантно для жительницы материкового Китая.*

Лорена сосредоточилась на бриллиантовом кольце. Камень весом от восьми до восьми с половиной каратов, цвет D, класс VVS1 или VVS2¹², лучистая огранка, обрамлен двумя треугольными желтыми бриллиантами по три карата каждый. Только Рональд Абрам в Гонконге изготавливал такие. *Вердикт: не слишком вульгарно, но в «Л'Ориент» она купила бы камень куда лучше.*

Дейзи, которую мало заботил чужой внешний вид, зато интересовали родословные, спросила на путунхуа:

– Бао? Вы не родственница нанкинских Бао?

– Да, мой муж – Бао Гаолян, – ответила миссис Бао с улыбкой. *Наконец хоть кто-то говорит на нормальном китайском! И знает, кто мы такие.*

– Ай-я, как тесен мир! Я встречала вашего супруга в прошлый раз, когда он прилетал в Сингапур с делегацией. Девочки, Бао Гаолян – бывший губернатор провинции Цзянсу.

¹² Эти группы чистоты означают, что у бриллианта есть очень мелкие вкрапления.

Присоединяйтесь к нам, миссис Бао. Мы только что собирались заказать ужин.

Эдди просиял:

– Очень любезно с вашей стороны! На самом деле компания нам не помешала бы. Понимаете, миссис Бао переживает трудные времена. Ее сын пострадал в аварии два дня назад в Лондоне...

– Господи! – воскликнула Надин.

Эдди продолжил:

– Боюсь, я не смогу остаться. Мне нужно уладить сверхсрочные дела семьи Бао, но я уверен, миссис Бао отлично проведет время с вами. Она плохо знает Лондон и совершенно потеряна.

– Не волнуйся, мы о ней позаботимся! – великодушно заявила Лорена.

– Ах, какое облегчение! Тетя Элли, можете показать мне, где лучше ловить такси?

– Конечно, – ответила Элинор и повела племянника к выходу.

Пока дамы утешали Бао Шаоянь, Эдди стоял у входа в ресторан и спокойно говорил тетке:

– Знаю, что прошу о большом одолжении, но могу ли я рассчитывать, что вы некоторое время будете развлекать и всячески занимать миссис Бао? Причем в обстановке полной секретности. Попроси подруг ни в коем случае не обсуждать миссис Бао с прессой, особенно с азиатской. И тогда я твой

должник.

– Ай-я, можешь доверять нам на сто процентов. Мои подруги никогда не сплетничают! – заверила его Элино́р.

Эдди покивал, прекрасно понимая, что новости полетят в Азию с невероятной скоростью, как только он уйдет. Надоедливые обозреватели из светских хроник обязательно упомянут об этом ужине в своих ежедневных отчетах, и все подумают, что Шаоянь просто приезжала в Лондон пошататься по магазинам и ресторанам.

– А я могу рассчитывать, что ты будешь держать язык за зубами? – спросила Элино́р, глядя ему прямо в глаза.

– Не понимаю, о чем ты, – ухмыльнулся Эдди.

– О моем завтраке... сегодня утром.

– О, не волнуйся, я уже забыл об этом. Присоединившись к миру частного банковского дела, я дал клятву хранить секреты клиентов, и мне бы в голову не пришло нарушить ее. Что мы в «Лихтенберг групп» можем предложить, кроме полной конфиденциальности и доверия?

Элино́р вернулась в ресторан, чувствуя облегчение от этого странного поворота событий. Она собиралась сравнить счет со своим племянником. Посреди стола стояла огромная тарелка, на которой красовался гигантский лобстер на подушке из дымящейся горячей лапши, но никто не ел. Дамы смотрели на Элино́р с довольно странным выражением. Она подумала, что подруги, должно быть, умирают от желания узнать, что Эдди сказал ей на улице.

Когда Элинора села, Дейзи широко улыбнулась и сообщила:

– Миссис Бао показывала нам фотографии своего красавчика-сына. Она очень беспокоится о его лице, и я заверила ее, что пластические хирурги в Лондоне – одни из лучших в мире. – Дейзи передала подруге телефон миссис Бао; Элинора пристально взглянула на снимок, и ее глаза едва заметно расширились. – Правда красивый? – прошептала Дейзи, и это прозвучало почти весело.

Элинора подняла голову и ответила ровным голосом:

– Да, очень.

Никто из дам больше не заговаривал о сыне миссис Бао на протяжении всего ужина, но все думали об одном и том же. Это не могло быть простым совпадением. Угодивший в ДТП сын Бао Шаоянь выглядел точь-в-точь как девица, которая встала между Элинорой и ее сыном Николасом.

Да, Карлтон Бао был копией Рейчел Чу.

Часть первая

*В наши дни все клянутся, что являются миллионерами, однако ты не миллионер до тех пор, пока не потратишь свои миллионы.
Подслушано в Жокей-клубе Гонконга*

«Мандарин»

Гонконг, 25 января 2013 года

В начале 2012 года брат с сестрой разбирали вещи на чердаке покойной матери в лондонском районе Хэмпстед и обнаружили на дне одного из кофров какие-то китайские свитки, вроде даже старинные. У сестры случайно оказался друг, который работал в аукционном доме «Кристис», поэтому она упаковала свитки в четыре продуктовых мешка из магазина «Сейнсбери» и отвезла в торговый зал аукционного дома на Олд-Бромптон-роуд, в надежде, что там смогут «взглянуть и сказать, стоят ли они хоть что-то».

Когда эксперт по китайской классической живописи развернул один из шелковых свитков, у него чуть не случился сердечный приступ, поскольку он увидел картину тончайшей работы, напоминающую давно утраченный шедевр. Могли это быть «Дворец Восемнадцати Совершенств»? Считалось, что произведение искусства, созданное художником династии Цин Юань Цзяном в 1693 году, тайно вывезли из Китая во время Второй опиумной войны 1860 года, когда многие из дворцов были разграблены, и считалось потерянным навеки.

Сотрудники бегали вокруг, раскручивая свитки, и в итоге

обнаружили двадцать четыре картины, почти семь футов высотой каждая, в безупречном состоянии. Их положили в ряд, и он растянулся на тридцать семь футов, заполнив почти целиком площадь двух рабочих помещений. Наконец эксперт подтвердил, что это, несомненно, та самая мифическая работа, описанная во всех классических китайских текстах, которые он изучал большую часть своей карьеры.

Дворец Восемнадцати Совершенств был роскошным имперским убежищем, возведенным в VIII веке в горах к северу от современного Сианя. Говорят, что это одна из самых великолепных императорских резиденций, когда-либо построенных, столь обширная, что приходилось путешествовать между залами верхом на лошади. На древних шелковых свитках были изображены затейливые павильоны, внутренние дворы и сады на фоне сказочных сине-зеленых горных пейзажей. Краски удивляли своей яркостью и переливчатостью – казалось, что шелк подсвечен электричеством.

Сотрудники аукционного дома застыли перед изысканным шедевром в благоговении. Находка такого масштаба сродни открытию давно потерянной картины да Винчи или Вермеера! Когда директор азиатского отдела ворвался, чтобы увидеть свитки своими глазами, он почувствовал слабость и заставил себя отступить на несколько шагов назад, опасаясь, что может свалиться в обморок прямо на произведение искусства. Сдерживая слезы, он наконец произнес:

– Позвоните Франсуа в Гонконг. Скажите, чтобы посадил

Оливера Цяня¹³ на ближайший рейс в Лондон. – После чего директор заявил: – Мы устроим этим потрясающим картинам большой тур. Начнем с выставки в Женеве, потом перевезем в Лондон, затем покажем в нашем выставочном зале Рокфеллер-центра в Нью-Йорке. Давайте дадим возможность лучшим коллекционерам мира увидеть это. А потом отвезем в Гонконг и продадим прямо перед китайским Новым годом. К тому времени китайцы уже будут истекать слюной в ожидании аукциона.

И вот год спустя Коринна Ко-Тун сидела в ресторане «Клипер лаундж» гонконгского отеля «Мандарин», с нетерпением ожидая прибытия Лестера и Валери Лю. На богато украшенной визитке она была названа арт-консультантом, но на самом деле для некоторых избранных клиентов значила куда больше, чем просто консультант. Коринна родилась в одной из самых именитых семей Гонконга, и свои обширные связи она тайно использовала в очень выгодном побочном бизнесе. Для таких клиентов, как семейство Лю, Коринна делала все, начиная с художественного оформления стен и заканчивая выбором одежды. Именно благодаря ее усилиям Лю смогли получить членство в самых элитных клубах, их имена оказались в нужных списках приглашений, а их детей приняли в лучшие школы города. Короче говоря, она была

¹³ *Оливер Цянь* – один из самых уважаемых заместителей председателя «Кристис». Цянь давно сотрудничает со многими ведущими коллекционерами мира, а заодно связан узами родства со всеми самыми видными семействами Азии. – *Примеч. автора.*

специальным консультантом для тех, кто карабкался по социальной лестнице.

Коринна заметила супругов Лю, когда те поднимались по ступенькам в мезонин над лобби. Они смотрелись потрясающе, и за это Коринна готова была погладить себя по голове. Когда она встретилась с Лю в первый раз, оба были с ног до головы одеты в «Прада». Новоприбывшим из Гуандуна эти шмотки казались вершиной элегантности, но, по мнению консультанта, их одежда просто кричала о материковых деньгах. Благодаря помощи Коринны Лестер сейчас выглядел ослепительно в сшитом на Сэвил-роу костюме-тройке «Килгур». Не менее хороша была и Валери – в серебристой каракулевой парке от Жилия Менделя, с черным жемчугом нужного размера и в серо-голубых замшевых ботильонах «Ланвен». Однако в ее облике был диссонанс – она выбрала не ту сумку. Глянцевая сумочка из кожи рептилий, наверняка одного из редких и вымирающих видов, годилась только для любовниц. Коринна отметила это про себя, чтобы в нужный момент намекнуть.

Валери подошла к столику, рассыпаясь в извинениях:

– Прости за опоздание. Шофер по ошибке отвез нас в «Лэндмарк Мандарин Ориентал».

– Не проблема, – любезно ответила Коринна. Она ненавидела опоздания, но грех было жаловаться, учитывая сумму гонорара.

– Я удивлена, что ты назначила встречу здесь. Тебе не ка-

жется, что чайная комната в «Фор сизонс» намного приятнее? – спросила Валери.

– Или даже в «Пенинсьюле», – перебил Лестер, бросая пренебрежительный взгляд на прямоугольные люстры эпохи семидесятых, спускающиеся каскадом с потолка лобби.

– В «Пенинсьюле» слишком много туристов, а в «Фор сизонс» ходят только новички. *Нормальные* гонконгские семьи именно в «Мандарине» чаевничают на протяжении поколений. Моя бабушка леди Ко-Тун привозила меня сюда по крайней мере один раз в месяц, когда я была девочкой, – терпеливо объяснила Коринна и добавила: – И не надо добавлять «Ориентал», местные называют отель просто «Мандарин».

– А-а-а, – протянула Валери, понимая, что ее отчитали. Она огляделась, рассматривая неброские стены, обшитые дубовыми панелями, кресла с сиденьем идеальной мягкости, и тут глаза ее внезапно расширились. Наклонившись к Коринне, она взволнованно прошептала: – Видишь? Вон там? Это Фиона Тан-Чэн со своей свекровью Александрой Чэн пьет чай с Ладури?

– Чё еще за Ладури? – спросил Лестер слишком громко. Валери нервно одернула мужа по-китайски:

– Не пялся! Я тебе попозже расскажу!

Коринна одобрительно улыбнулась. Валери быстро учится. Лю – относительно новые клиенты, но это самый любимый типаж – *красная знать*, как она его называла. В отли-

чие от новоиспеченных миллионеров, эти были наследниками правящего класса Китая, известными как фуэрдай¹⁴. У них были хорошие манеры и хорошие зубы, и они никогда не знали тех лишений, что пережило поколение их родителей. Трагедии Большого скачка¹⁵ и «культурной революции» казались древней историей. Им безо всякого труда достались крупные суммы, настолько крупные, что они расставались с ними с легкостью.

Семья Лестера владела одной из крупнейших страховых компаний Китая, и он познакомился с Валери, дочерью анестезиолога, родившейся в Шанхае, когда оба учились в Сиднейском университете. Состояние постоянно росло, пара работала над своим вкусом и чувством прекрасного и очень амбициозно стремилась занять высокое положение в Азии. В своих особняках в Лондоне, Шанхае, Сиднее и Нью-Йорке, а также недавно построенном в одной из бухт Гонконга доме, напоминающем издали круизный лайнер, они увешивали стены произведениями искусства, достойными музейных залов, надеясь попасть на страницы гонконгского «Татл».

Лестер сразу взял быка за рога:

– Как думаешь, за сколько в итоге уйдут свитки?

¹⁴ Обычно это уничижительный термин для обозначения сыновей и дочерей китайских нуворишей, сколотивших состояние в первые годы эпохи реформ в Китае. – *Примеч. автора.*

¹⁵ *Большой скачок* – экономическая и политическая кампания в Китае с 1958 по 1960 год, нацеленная на укрепление индустриальной базы и резкий подъем экономики страны и имевшая трагические последствия для китайского народа.

– Именно это я и хотела обсудить с вами. Я знаю, вы сказали, что готовы подняться до пятидесяти миллионов, но чувствую, что сегодня мы побьем все рекорды. Готовы ли вы подняться до семидесяти пяти? – осторожно поинтересовалась Коринна, прощупывая почву.

Лестер не вздрогнул. Он потянулся к эклеру на серебряном подносе и буркнул:

– Ты уверена, что они столько стоят?

– Господин Лю, это самое важное произведение китайского искусства, которое когда-либо появлялось на рынке. Это уникальная возможность...

– В ротонде свитки будут смотреться прекрасно! – не удержалась Валери и защебетала: – Мы собираемся повесить их так, чтобы получилась панорама, и я на первом и втором этажах перекрашиваю стены, чтобы по цвету они точно соответствовали свиткам. Обожаю эти бирюзовые оттенки!

Коринна проигнорировала болтовню Валери и продолжила:

– Вы получите не просто произведение искусства, ценность этого шедевра не поддается исчислению. Подумайте, насколько взлетят ваши ставки – я говорю об имидже вашей семьи, – как только станет известно, что вы приобрели их. Вы обойдете лучших коллекционеров в мире. Мне сказали, что представители Бинов, Ванов и Квоков участвуют в торгах. А Хуаны только что прилетели из Тайбэя – не правда ли, интересное время для визита? У меня также есть все основа-

ния полагать, что Колин и Араминта Ху послали на прошлой неделе целую команду кураторов из Музея императорского дворца в Тайбэе, чтобы изучить свитки.

– Ой, Араминта Ху! Она такая красивая и шикарная! Я зачитывалась статьями о ее невероятной свадьбе. Ты ее знаешь? – спросила Валери.

– Я была на свадьбе, – просто сказала Коринна.

Валери удивленно покачала головой. Она пыталась представить эту тетку средних лет, эту серую мышку, у которой в гардеробе, похоже, не было ничего, кроме трех брючных костюмов от Джорджии Армани, на самом гламурном мероприятии в истории Азии. Да уж, некоторым людям повезло родиться в правильной семье.

Коринна продолжила читать лекцию:

– Позвольте дать вам наставления. Аукцион начнется ровно в восемь, я вам забронировала суперВИП-ложу. Там вы просидите весь аукцион. Я же буду в зале делать ставки за вас.

– Ты не будешь с нами сидеть? – Валери смутилась.

– Нет, вы займете специальную ложу, чтобы оттуда следить за происходящим.

– Разве не увлекательнее находиться в зале? – не отставала Валери.

Коринна сделала отрицательный жест:

– Поверьте, ничего там нет хорошего. Вам понравится в ВИП-ложе, в ней соберутся все топовые коллекционеры, и

вы прекрасно...

– Стоп! – перебил Лестер. – Тогда какого черта покупать эту фигню? Как вообще кто-то узнает, что мы сделали победившую ставку?!

– Ну, для начала вас все увидят в ложе, и народ уже кое-что заподозрит, а завтра первым делом я через своего человека в «Саут Чайна морнинг пост» опубликую неподтвержденное сообщение о том, что мистер и миссис Лестер Лю, владельцы страховой компании «Гармония», приобрели свитки. Поверьте, это элегантный способ заявить о себе. Вам же нужно, чтобы люди строили догадки. Вам *нужна* эта публикация!

– Ох, ты просто гений! – взволнованно пискнула Валери.

– Но если сообщение неподтвержденное, как все узнают? – Лестер все равно не понимал.

– Ну ты тормоз, все увидят свитки, когда мы устроим новоселье в следующем месяце, – отчитала Валери мужа, ударив его по колену. – Они все увидят собственными завистливыми глазами!

Гонконгский выставочный центр, расположенный в районе Ваньчай на берегу бухты Виктория, мог похвастаться оригинальной изогнутой крышей – она напоминала мантию гигантского ската, словно парящего в глубинах океана. Этим вечером здесь состоялся парад старлетов, местных знаменитостей, миллиардеров низкого пошиба и людей, которых Ко-

ринна Ко-Тун считала второсортными. Все они проходили через Большой зал в надежде у всех на виду занять места на аукционе века, в то время как дальняя часть зала была забита под завязку иностранными журналистами и просто столпившимися зеваками. Наверху в шикарной ВИП-ложе Валери и Лестер, пребывая на седьмом небе от счастья, сидели бок о бок с серьезными людьми и смаковали шампанское «Лоран-Перье», закусывая канапе, приготовленными в «Кафе Грей».

Когда наконец ведущий аукциона подошел к полированному деревянному подиуму, огни в зале начали тускнеть. Вдоль стены, обращенной к сцене, стоял массивный золотой решетчатый экран, и по сигналу створки разъехались, открывая взору свитки во всей их красе. Благодаря современной системе освещения они почти светились изнутри. Толпа ахнула от восторга, и, когда снова зажглись огни, ведущий начал аукцион без лишней суеты:

– Чрезвычайно редкая коллекция из двадцати четырех свитков династии Цин кисти Юань Цзяна, тушь и краски на шелке, на свитках изображен Дворец Восемнадцати Совершенств, подписано художником и датировано тысяча шестьсот девяносто третьим годом. Кто даст начальную цену в миллион?

Валери почувствовала, как в ее венах забурлил адреналин: она увидела, что Коринна подняла табличку с голубым номером, чтобы обозначить первую ставку. Таблички взлета-

ли вверх одна за другой, и цена взмыла в стратосферу. Пять миллионов. Десять миллионов. Двенадцать миллионов. Пятнадцать. Двадцать. В течение нескольких минут ставка поднялась до сорока миллионов. Лестер наклонился вперед в своем кресле, анализируя происходящее в аукционном зале, как какой-то сложный шахматный матч, а Валери в предвкушении успеха то и дело вцеплялась ногтями в его плечо.

Когда цена достигла шестидесяти миллионов, зазвонил телефон Лестера. Это была Коринна, которая смачно выругалась по-кантонски и затараторила как безумная:

– Чтоб мне сдохнуть, как все паршиво! Процесс идет слишком быстро! Мы скоро преодолеем ваш предел в семьдесят пять миллионов. Вы хотите продолжать торги?

Лестер сделал глубокий вдох. Любые расходы свыше пятидесяти миллионов, несомненно, заметят счетоводишки его отца, придется давать объяснения.

– Продолжай, пока я тебя не остановлю, – приказал он.

Голова Валери кружилась от волнения. Они уже так близки к цели! Вообразите, скоро у нее будет кое-что, чего желала даже Араминта Ху! На восьмидесяти миллионах торги наконец замедлились. Теперь никто не поднимал табличку в зале, кроме Коринны, и осталось только два или три покупателя по телефону, которые соперничали с Лю. Цена росла с шагом всего в полмиллиона, и Лестер закрыл глаза, молясь о том, чтобы приобрести чертовы свитки за девянсто миллионов. Это стоило того. Пусть он получит от отца наго-

ный. Можно прикрыться аргументом: за хорошую рекламу для семьи не жалко хороших денег.

Внезапно в дальней части аукционного зала раздался какой-то шум. По толпе прокатился шепот, зрители начали расступаться. В зале, набитом разодетыми в пух и прах знаменитостями, повисла осязаемая тишина. И вот появилась поразительно красивая китайка с иссиня-черными волосами, напудренной белой кожей и малиновыми губами, одетая в эффектное черное бархатное платье с открытым плечом. Дама в сопровождении двух белоснежных русских борзых на длинных поводках, усыпанных бриллиантами, медленно шествовала по центральному проходу, и все головы поворачивались в ее сторону.

Осторожно покашляв в микрофон, ведущий аукциона попытался вернуть внимание собравшихся:

– Итак, последняя ставка восемьдесят пять с половиной миллионов, кто даст восемьдесят шесть?

Один из сотрудников, говоривший по телефону, кивнул. Коринна немедленно подняла табличку, чтобы оспорить это предложение. И тогда дама в черном бархатном платье последовала ее примеру. Директор «Кристис Азия», наблюдавший за незнакомкой из ложи, в изумлении повернулся к своим партнерам и сказал:

– Я думал, что она просто любительница попиариться. – Он попытался разглядеть ее получше. – У нее табличка с номером двести шестьдесят девять. Выясните, кто эта дама!

Она, вообще, готова к участию в торгах?

Оливер Цянь, представлявший здесь интересы частного клиента, пристально рассматривал женщину с шелковистыми борзыми в театральный бинокль с той минуты, как она вошла.

– Не волнуйся, еще как готова! – фыркнул он.

– Кто она? – спросил директор.

– Ну, ей улучшили нос, подбородок и, похоже, вшили имплантаты в щеки, но я совершенно уверен, что претендент номер двести шестьдесят девять не кто иной, как миссис Тай.

– Кэрол Тай, вдова дато¹⁶ Тай То Луя, магната, умершего в прошлом году?

– Нет-нет, это жена Бернарда, сына дато. Он унаследовал все миллиарды отца. Эта мадам в черном – звезда мыльных опер, ранее известная как Китти Понг.

Ваньчай, Гонконг, 20:25

В прямом эфире специальный корреспондент «Си-эн-эн интернэшнл» Сани Чой. Я нахожусь в Гонконгском выставочном центре, где ведущие коллекционеры мира бьются на торгах за право купить «Дворец Восемнадцати Совершенств». Цена только что достигла отметки в девяносто миллионов долларов. Для сравнения: ваза Цяньлуна была продана в Лондоне за рекордные восемьдесят пять миллио-

¹⁶ *Дато* – почетный титул, дарованный наследственным королевским правителем одного из девяти малайских государств.

нов девятьсот тысяч долларов США в две тысячи десятом году. Но это Лондон. В Азии самая высокая цена, которая когда-либо была достигнута, составила шестьдесят пять миллионов четыреста тысяч долларов США за полотно Ци Байши¹⁷, выполненное тушью, и случилось это в две тысячи одиннадцатом году. Таким образом, сегодняшний лот уже побил ДВА мировых рекорда. Около десяти минут назад бывшая актриса Китти Понг, которая вышла замуж за миллиардера Бернарда Тая, остановила аукцион, войдя с двумя гигантскими собаками на алмазных поводках, и включилась в торги. Прямо сейчас против нее быются еще четверо. Нам сообщили, что один из них – представитель Музея Гетти в Лос-Анджелесе, подозревают, что второй претендент – богатая наследница Араминта Ли-Ху, и есть неподтвержденные сообщения о том, что в торгах участвует также представитель семейства Лю, владеющего крупной страховой компанией. Кто четвертый таинственный покупатель, нам неизвестно. Буду держать вас в курсе, Кристиан.

Курорт Гудаури, Республика Грузия, 16:30

– Там какая-то странная тетка в черном с двумя идиотскими собаками без конца делает ставки! – возмущалась

¹⁷ Подлинность картины позднее была поставлена под сомнение, и покупатель отказался от сделки. (Они, вероятно, поняли, что картина просто не подходит к их дивану.) – Примеч. автора.

Араминта.

Она смотрела на экран ноутбука, не узнавая Китти Понг на видео, транслирующем происходящее в прямом эфире. По правде говоря, Араминта все утро каталась на лыжах в горах Кавказа, мышцы чертовски болели, и ей хотелось нырнуть в гигантскую ванну зимнего шале и хорошенечко отмокнуть. Но аукцион был важнее.

– И какая сейчас цена? – спросил Колин, растягиваясь возле камина на черно-белом коврике из кожи яка. – Минти, сколько там?

– Тсс! Я делаю ставку! – цыкнула Араминта на мужа, возобновляя переговоры с консультантом «Кристис» по телефону.

Колин поднялся с уютного коврика и доковылял до стола, где жена устроилась с компьютером и спутниковым телефоном. Глядя на экран, Колин дважды моргнул, словно не веря своим глазам.

– Милая, ты сбрендила? – спросил он на южноминьском диалекте. – Ты реально собираешься выложить девяносто миллионов за кучу старых свитков?!

Араминта многозначительно посмотрела на него:

– Я же промолчала, когда ты приобрел ту мазню, сделанную слоновьим навозом, поэтому ничего не говори мне сейчас.

– Подожди, Крис Офили¹⁸ стоил всего два-три миллиона

¹⁸ *Крис Офили* – современный британский художник нигерийского происхож-

за каждую картину. Подумай, сколько еще таких полотен мы могли бы купить...

Араминта прикрыла рукой трубку.

– Сделай что-нибудь полезное и принеси мне еще одну кружку горячего шоколада. И плюс зефирки, пожалуйста. Этот аукцион не закончится, пока я не скажу!

– Где ты, вообще, собираешься их повесить? У нас больше нет места на стене в доме, – подлил масла в огонь Колин.

– Знаешь, я думаю, что они великолепно впишутся в интерьер лобби нового отеля моей матери в Бутане. ЧЕРТ! Сука в черном не сдается! Кто она, черт возьми? Она похожа на китайскую Диту фон Тиз!

Колин покачал головой:

– Минти, ты становишься слишком эмоциональной. Дай мне трубку, я сам сделаю ставку, раз ты действительно так сильно этого хочешь. У меня гораздо больше опыта. Самое главное – установить верхнюю границу. Какой у тебя максимальный лимит?

Супермаркет «Колд Сторэджс Джелита», Сингапур, 20:35

Астрид Леонг была в супермаркете, когда зазвонил телефон. Она пыталась выбрать все необходимое для завтрашних кулинарных подвигов – кухарка попросила выходной.

дения, который при создании своих полотен частенько использует слоновий нос.

Пятилетний сын Астрид Кассиан стоял в передней части тележки, изображая Леонардо Ди Каприо на носу «Титаника». Как всегда, ей неловко было разговаривать по телефону в общественном месте, но это ее кузен Оливер Цянь звонил из Гонконга, ничего не поделаешь. Она покатила тележку к секции замороженных овощей и на ходу ответила на звонок:

– Что происходит?

– Ты пропускаешь все веселье на аукционе года, – радостно сообщил Оливер.

– О, он что, сегодня? Говори, во сколько мне это встанет?

– Аукцион еще идет! Ты не поверишь, но Китти Понг с помпой вошла в зал и предложила за картины такую кучу денег, как будто завтра уже не наступит!

– Китти Понг?!

– Да, в коктейльном платье «Мадам Икс» и с двумя борзыми на бриллиантовых поводках. Эффектное зрелище, скажу я тебе!

– Когда эта девица начала коллекционировать предметы искусства? А Бернард с ней? Не думаю, что он готов тратить деньги на что-то, кроме наркоты и кораблей.

– Бернарда не вижу. Но если Китти преуспеет и купит сейчас эти свитки, то ее с Бернардом сразу же станут считать топовыми коллекционерами азиатского искусства на всем белом свете.

– Хм... я и правда пропускаю все веселье.

– Остались Китти, Араминта Ли, какая-то парочка с ма-

терика, за которых делает ставки Коринна Ко-Тун, и Музей Гетти. Цена поднялась до девяноста четырех миллионов. Знаю, ты не ставила верхнюю планку, но просто хотел убедиться, что ты будешь продолжать.

– Девяносто четыре? Продолжай! Кассиан, хватит играть с замороженным горошком!

– Девяносто шесть! Ох, Святая Мария Матерь Господня, перевалили за сотню миллионов! Ставим?

– Конечно.

– Материковые ребята наконец отвалились. Бедняжечки, выглядят так, будто только что потеряли первенца. Уже сто пять!

– Кассиан, даже не проси, я не позволю тебе есть бургеры из микроволновки. Только подумай, сколько консервантов в этой говядине! Положи их обратно!

– Ого, мы же на территории Книги рекордов Гиннесса, Астрид. Никто никогда не платил столько за китайскую живопись. Сто десять. Сто пятнадцать. Араминта против Китти. Продолжаем?

Кассиан нечаянно заперся в большом холодильнике с мороженым. Астрид устало посмотрела на сына.

– Мне пора. Ты говорил, что этим свиткам место в музее, поэтому мне все равно, сколько платить.

Через десять минут, когда Астрид стояла в очереди на кассу, телефон позвонил снова. Она виновато улыбнулась кассирше и достала мобильный.

– Извини, что опять беспокою, но сейчас цена зафиксирована на ста девяносто пяти миллионах, дальше твоя ставка, – сказал Оливер. Он явно был слегка измотан.

– Правда? – Астрид выхватила батончик «Марс», который Кассиан пытался тайком сунуть кассирше.

– Да, Гетти отвалились на ста пятидесяти, а Араминта на ста восьмидесяти. Осталась ты против Китти, и похоже, она одержима идеей купить свитки. В данный момент я не могу с чистой совестью советовать тебе решиться на подобное приобретение. Думаю, куратор музея придет в ужас, узнав, во сколько обошелся дар.

– Она никогда не узнает, я дарю это анонимно.

– И все-таки, Астрид... Понятно, что дело не в деньгах, однако эта цена уже за гранью разумного.

– Обидно. Ты прав, платить сто девяносто пять миллионов просто глупо. Пусть Китти Понг получит свитки, раз так сильно этого хочет, – вздохнула Астрид.

Она вытащила из кошелька стопку скидочных купонов и отдала их кассирше.

Через тридцать минут молоток ведущего ударил в третий раз. «Дворец Восемнадцати Совершенств» ушел за сто девяносто пять миллионов, став самым дорогим произведением китайского искусства, когда-либо проданным на аукционе. Разряженная в пух и прах толпа разразилась оглушительными аплодисментами, когда Китти позировала перед камерами, а вспышки сверкали со скоростью взрывов в центре Ка-

була. Одна из борзых залаяла. Теперь весь мир узнает, что Китти Понг, ныне миссис Бернард Тай – она настаивала, чтобы ее называли именно так, – действительно вышла в свет.

Купертино, Калифорния

9 февраля 2013 года – канун китайского Нового года

Мальчики вернулись с футбола. Держись подальше от Джейсона – он потный насквозь, хоть выжимай, – предупредила Саманта Чу свою кузину Рейчел, услышав шум из гаража.

Они сидели на деревянных табуретках в кухне дяди Рейчел Уолта и тети Джин и лепили пельмени для празднования китайского Нового года. Брат Саманты, которому только-только исполнился двадцать один год, ворвался в кухню, опередив Николаса Янга.

– Мы разбили братьев Линь в пух и прах! – торжествующе объявил Джейсон, схватив из холодильника две бутылки спортивного напитка «Гаторейд» и бросив одну Нику. – Эй, а предки где? Родители ушли? Я ожидал обнаружить здесь толпу истеричных тетушек, сражающихся за место в кухне.

– Папа забирает двоюродную бабушку Луизу из дома престарелых, а мама, тетя Флора и тетя Керри отправились в супермаркет «Ранчо девяносто девять», – сообщила Саманта.

– Опять? Рад, что на этот раз не я за рулем, там до фига

НПИ¹⁹, парковка выглядит как дилерский центр «Тойоты»! Что у них кончилось на сей раз? – спросил Джейсон.

– Все! Дядя Рэй позвонил. Он в конце концов собирает всю семью, и вы знаете, сколько могут съесть эти мальчики, – сказала Саманта, положив немного фарша из свинины с чесноком на кружочек теста и передавая его Рейчел.

– Готовься, Джейс! Уверена, тетя Белинда выскажется по поводу твоей новой татуировки, – поддразнила Рейчел, делая маленькие складки на пельмешке и придавая ему идеальную форму полумесяца.

– Кто такая тетя Белинда? – поинтересовался Ник.

Джейсон поморщился:

– Чувак! Ты еще не видел ее, да? Это жена дяди Рэя. Дядя Рэй – мегабогатенький хирург-ортодонт, они приобрели огромный домик в Менло-Парке, так что тетя Белинда ведет себя так, будто она королева. Как та тетка из «Аббатства Даунтаун». Она безумно дерганая и каждый год сводит маму с ума, до последней минуты не сообщая, почтят ли она и ее избалованные отпрыски нас своим присутствием.

– Правильное название «Аббатство Даунт он», – поправила его Саманта. – Ну и не так уж она плоха. Просто она из Ванкувера.

– Правильно говорить: Гонкувера²⁰, – парировал Джейсон,

¹⁹ Недавно прибывший иммигрант, так называют новеньких американские китайцы во втором, третьем и четвертом поколении. – *Примеч. автора.*

²⁰ На данный момент приблизительно 30 % населения Ванкувера составляют

бросая пустую бутылку через всю кухню в громадный пластиковый пакет «Bed Bath & Beyond»²¹, который висел на двери кладовой и служил мусорным баком. – Тетя Белинда полюбит тебя, Ник, особенно когда услышит, что ты говоришь, как этот парниша из фильма «Ноттинг-Хилл»!

В половине седьмого двадцать два члена клана Чу прибыли в дом. Старшее поколение дядей и тетушек расположилось за большим обеденным столом из палисандра, покрытым толстой защитной пластиковой пленкой, в то время как молодежь и дети устроились за раздвижными столиками для маджонга, которые вынесли в гостиную. Подростки разлеглись перед большим экраном телевизора в рабочем кабинете и смотрели матч по баскетболу, дюжинами поглощая жареные пельмешки.

Когда тетушки начали выносить жареную утку, гигантские креветки в кляре, приготовленную на пару капусту с черными грибами и лапшу со свиной и морскими гребешками, тетя Джин огляделась:

– Рэя все еще нет? Больше ждать нельзя, еда остынет!

– Наверное, тетушка Белинда все еще пытается решить, какое из платьев «Шанель» надеть, – съязвила Саманта.

В этот момент раздался звонок в дверь, и в дом ворвались Рэй и Белинда Чу со своими четырьмя сыновьями-подростками. Мальчики были в спортивных рубашках поло – разных

китайцы, но с учетом нелегалов их может быть больше.

²¹ «Bed Bath & Beyond» – магазины товаров для дома.

оттенков, но все от Ральфа Лорена. Белинда надела в гости кремовые шелковые брюки с высокой посадкой и переливающуюся оранжевую блузку из органзы с широкими рукавами, на талии сиял фирменный золотой пояс от «Шанель», в ушах – серьги с огромными кремовыми жемчужинами, более подходящие для премьеры в Опере Сан-Франциско.

– С Новым годом, дорогие мои! – весело воскликнул дядя Рэй, вручая своему старшему брату Уолту большую коробку с японскими грушами, в то время как жена торжественно подала тетушке Джин керамическое блюдо «Ле Крёзэ», накрытое крышкой.

– Не могла бы ты разогреть это для меня в духовке? Всего сто пятнадцать градусов. Двадцать минут.

– Не стоило ничего привозить! – заохала тетя Джин.

– Нет-нет. Это мой ужин! Я на особой овощной диете, – заявила Белинда.

Наконец все расселись и с удовольствием накупились на праздничные блюда.

Дядя Уолт, глядя через стол на Рейчел, просиял:

– Все еще непривычно видеть тебя в это время года! Ты обычно возвращаешься только на День благодарения.

– Так вышло, поскольку мы с Ником увязли в последних предсвадебных хлопотах, – объяснила Рейчел.

Тетя Белинда внезапно властно воскликнула:

– Рейчел Чу! Поверить не могу, что я здесь уже десять минут, а ты ЕЩЕ НЕ ПОКАЗАЛА МНЕ СВОЕ КОЛЬЦО!

Подойди ко мне немедленно!

Рейчел поднялась с места и покорно направилась к тете, протянув руку для осмотра.

– Господи, оно такое... миленькое! – воскликнула тетя Белинда пронзительным голосом, едва скрывая удивление. *Разве этот парень Ник не денежный мешок? Как бедная Рейчел довольствуется этим крошечным камушком? Да в нем не больше полутора каратов!*

– Простое и незатейливое, как я и хотела, – скромно ответила Рейчел, глядя на огромный камень огранки маркиза на пальце тети.

– Да, простое, но подходит тебе идеально, – проворковала тетушка Белинда. – Где ты купил такое кольцо, Ник? Это из Сингапура?

– Моя кузина Астрид помогла мне. Оно от ее парижского друга Жоэля²², – вежливо ответил Ник.

– Хм. Еще и в Париж летать за таким, – пробормотала тетя Белинда.

– Эй, разве вы не обручились в Париже? – взволнованно вмешалась старшая кузина Рейчел Вивиан, которая жила в

²² Жоэль Артур Розенталь, также известный как ЖАР, чьи драгоценности ручной работы являются одними из самых желанных в мире. Если бы у Белинды был более проницательный взгляд, она могла бы понять, что кольцо Рейчел было безупречным бриллиантом овальной огранки, удерживаемым на месте лентами из белого золота, почти такими же тонкими, как волоски, с вкраплениями крошечных синих сапфиров. (Ник не сказал Рейчел, сколько он выложил за это кольцо.) – *Примеч. автора.*

Малибу. – Кажется, мама упоминала о труппе мимов, выступавшей, когда Ник делал предложение.

– *Мимов?* – Ник в ужасе посмотрел на Вивиан. – Заверяю, никаких мимов поблизости не было.

– Ай-я, тогда расскажи нам, как все было! – прошептала тетя Джин.

Ник взглянул на Рейчел:

– Дорогая, почему бы тебе не рассказать? У тебя лучше получится.

Все за столом выжидающе уставились на Рейчел, и она глубоко вздохнула:

– Хорошо. В наш последний парижский вечер Ник пригласил меня поужинать. Это был сюрприз. Он не сказал, куда мы идем, поэтому я заподозрила подвох. И вот мы оказались в красивой исторической резиденции на острове посреди Сены.

– В отеле «Ламбер» на острове Сен-Луи, – пояснил Ник.

– Да, и на крыше стоял столик на двоих, на котором зажгли свечи. Лунный свет отражался от реки, виолончелист сидел в углу, играя Дебюсси, все было просто идеально. Ник нанял французского шеф-повара, того знаменитого вьетнамца из шикарного парижского ресторана, чтобы для нас приготовили самые изысканные блюда, но я так нервничала, что полностью потеряла аппетит.

– Да уж, оглядываясь назад, скажу, что шесть перемен блюд было не лучшей идеей, – улыбнулся Ник.

Рейчел кивнула:

– Каждый раз, когда официант поднимал серебряную крышку с тарелки, я думала, что найду кольцо. Но ничего не происходило. К тому времени, когда ужин закончился и виолончелист начал собирать вещи, я решила, что сегодня никакого предложения не будет. И вот мы собираемся уходить – и тут слышим гудок. Вижу, подплывает одна из туристических барж «Бато-Муш», и почему-то все пассажиры собрались на верхней палубе. Когда баржа проходила мимо, из громкоговорителей зазвучала музыка и пассажиры вдруг начали прыгать, как газели. Оказывается, Ник поручил балетной труппе Парижской оперы исполнить для меня особый танец на реке!

– Ка-а-а-а мило! – ахнула тетя Белинда, наконец впечатлившись. – А потом Ник сделал предложение?

– Не-е-е-ет! Танец завершился, и мы начали спускаться по лестнице. Я была в восторге от этого поразительного хореографического представления, но меня слегка разочаровало то, что оно не закончилось предложением. Мы вышли из отеля, улица была пустынной, лишь какой-то парень торчал под деревом со стороны набережной. Затем он начал играть на гитаре, и я поняла, что звучит баллада «Должно быть где-то место» – та самая песня «Токинг Хедс», которую мы слышали в исполнении уличного музыканта в Вашингтон-Сквер-парке, когда впервые встретились. Он запел, и я вдруг узнала того самого парня из парка!

– Вот это да! – Саманта прижала руки ко рту, а все в комнате продолжали слушать с восторженным вниманием.

– Ник каким-то образом отыскал певца в Остине и доставил в Париж. У него больше не было обесцвеченных дредов, но я не могла забыть этот голос. Потом, прежде чем я поняла, что происходит, Ник опустился на одно колено и протянул мне маленькую бархатную коробочку. И тут я окончательно потеряла самообладание и разрыдалась – Ник даже не успел попросить меня выйти за него замуж! Конечно, я сказала «да» – и все танцоры на барже взревели, как сумасшедшие.

– Это самое крутое предложение, о котором я когда-либо слышала! – воскликнула Саманта, утирая слезы.

Еще недавно она жутко злилась на Ника, узнав, что случилось с Рейчел в Сингапуре. Как он мог не заметить, что с его невестой плохо обращались? Рейчел уехала из дома Ника сразу же после возвращения из Азии, и Саманта была рада, что двоюродная сестра избавилась от незадачливого ухажера, но по прошествии нескольких месяцев Рейчел и Ник снова стали встречаться, и Саманта поймала себя на мысли, что переменяла отношение к нему. В конце концов, он пришел на помощь Рейчел и пожертвовал отношениями с семьей, ради того чтобы быть с любимой. Он терпеливо ждал своего часа, не торопил Рейчел, и за это время ее душевные раны затянулись. И теперь они наконец поженятся!

– Молодец, Ник! Мы все дождаться не можем великого

дня в следующем месяце в Монтесито! – заявил дядя Рэй.

– Мы решили провести еще парочку ночей в «Охай Вэлли инн энд спа», – похвасталась тетя Белинда, оглядываясь, чтобы убедиться, что вся семья услышала ее.

Рейчел усмехнулась про себя, зная, что другие ее родственники даже понятия не имеют, о чем говорила Белинда.

– Это звучит замечательно. Хотелось бы, чтобы у нас было время на что-то подобное. Придется ждать до конца семестра в мае, чтобы отправиться куда-нибудь в свадебное путешествие.

– Но разве вы с Ником не были совсем недавно в Китае? – спросил дядя Рэй.

Тетя Джин бросила многозначительный взгляд на Рэя, в то время как жена сильно ущипнула его за левую ляжку. Он осознал свою оплошность и ахнул. Белинда сказала ему, что Рейчел и Ник снова ездили в Фучжоу: они в очередной раз пошли по ложному следу в поисках отца Рейчел. Однако этот факт, очевидно, относился к длинному списку семейных секретов, о которых не стоило упоминать.

– Да, ездили ненадолго, – быстро ответил Ник.

– Ох, ну вы отчаянные! У меня несварение от такой еды. Мне все равно, что «гурманы» поют оды китайской кухне, ведь я-то знаю: у них в мясе – сплошные канцерогены. Только посмотрите на утку, которую все вы едите! Могу поспорить, что ее тоже пичкали гормонами роста, – усмехнулась тетя Белинда. Сама она грызла репу.

Рейчел уставилась на пухлую жареную утку, бока которой светились глянцевым янтарным блеском, и внезапно потеряла аппетит.

– Да, вы можете доверять поварам в Гонконге, но не где-нибудь на материке, – подтвердила тетушка Джин, ловко удаляя палочками кусочки жира с мяса утки.

– Это чушь! – заявила Саманта. – Откуда эти устаревшие предубеждения против Китая? Я ездила туда в прошлом году и могу поклясться, что в жизни так вкусно не угощалась! Вы не пробовали отменных сяулунбао²³, если не заказывали их в Шанхае.

В конце стола двоюродная бабушка Луиза, матриарх клана Чу, вдруг выпалила:

– Рейчел, какие новости о твоём отце? Ты его уже нашла?

Кузен Дейв от удивления выплюнул кусочек жареной свинины, приготовленной на гриле. Собравшиеся замолчали, несколько человек тайком переглянулись. Рейчел помрачнела. Она глубоко вдохнула, прежде чем ответить:

– Нет, мы его не нашли.

Ник схватил Рейчел за руку и ободряюще добавил:

– В прошлом месяце, казалось, появилась очень интересная зацепка, но увы...

– Там все очень сложно... – размышлял вслух дядя Рэй,

²³ Пельмени, наполненные мясом и горячим бульоном, которые – в связи с их растущей популярностью в последние годы на международной продовольственной арене – обжигают рты непосвященных по всему миру. – *Примеч. автора.*

пытаясь подцепить палочками очередную гигантскую креветку, но жена шлепнула его по руке.

– По крайней мере, теперь мы уверены, что отец Рейчел сменил имя. Последние официальные упоминания о нем относятся к восемьдесят пятому году, вскоре после этого он окончил Пекинский университет, – пояснил Ник.

– Кстати, об университетах: все в курсе, что дочь Пенни Ши, которая считалась главной зубрилой в Лос-Гатосе, не попала ни в один из университетов Лиги плюща, куда подавала документы? – прощebetала тетя Джин, пытаясь сменить тему.

Ей было ужасно неловко обсуждать скользкий вопрос отцовства в присутствии матери Рейчел Керри, матери-одиночки со стажем в три десятилетия.

Двоюродный брат Генри, пропустив мимо ушей сообщение тетки, вмешался, предложив помощь:

– Знаете, моя фирма работает с потрясающей юристкой из Шанхая. Ее отец занимает высокий пост в правительстве, и у нее очень хорошие связи. Хотите, я узнаю, сможет ли она помочь?

Керри, которая до сих пор молчала, внезапно швырнула палочки на стол и воскликнула:

– Ай-я, пустая трата времени! Бесполезно гоняться за призраками!

Рейчел метнула взгляд на маму, потом встала из-за стола и тихо вышла из комнаты. Саманта заговорила срывающимся

ГОЛОСОМ:

– Он не призрак, тетя Керри. Он ее отец, и Рейчел имеет право поддерживать с ним отношения. Я даже не представляю, какой была бы моя жизнь без папы! Можно ли винить Рейчел в том, что она хочет найти своего отца?!

3

Скоттс-роуд

9 февраля 2013 года

Когда доберетесь, просто подъезжайте к гаражу, – проинструктировала Бао Шаоянь Элино́р по телефону.

Элино́р так и сделала: подъехала к будке охраны и объяснила, что у нее назначена встреча с Бао. Супруги Бао недавно арендовали квартиру в этом новом кондоминиуме на Скоттс-роуд.

– Ах да, миссис Янг. Пожалуйста, налево и далее по стрелкам, – сказал охранник в темно-серой униформе.

Элино́р въехала в безупречный подземный гараж, где, как ни странно, не было машин. Бао, должно быть, стали одними из первых арендаторов, подумала она, сворачивая налево и приближаясь к белой металлической гаражной двери, над которой горела надпись: «Механизированная автостоянка блока 01 (только для жителей)». Дверь быстро поднялась, и зеленый сигнальный индикатор замигал. Когда Элино́р оказалась в ярко освещенном помещении, перед ней вспыхнула цифровая табличка с номером отсека. *Как странно... Я должна припарковаться прямо здесь?*

Внезапно поверхность пола под колесами затряслась. Элино́р ахнула и рефлекторно вцепилась в руль. Лишь через

несколько секунд она поняла, что заехала на вращающуюся платформу, которая медленно разворачивала машину на девяносто градусов. Когда машина перестала поворачиваться, пол начал подниматься. Ради всего святого, это лифт! Справа была стена из стекла, и горизонт ночного Сингапура развернулся перед глазами Элинон во всем своем великолепии.

Она подумала, что квартира в стиле хай-тек – наверняка идея Карлтона. После встречи с Бао Шаоянь в Лондоне в сентябре прошлого года она успела познакомиться со всей семьей. Элинон и ее подруги оказывали поддержку Шаоянь и ее мужу Гаоляну в те напряженные недели, когда Карлтону делали одну за другой операции в больнице Святой Марии. А когда опасность миновала и его выписали, именно Элинон предложила пройти реабилитацию в Сингапуре, а не в Пекине.

«Климат и качество воздуха там гораздо лучше, к тому же у нас отличные физиотерапевты. Я знакома со всеми именитыми врачами в Сингапуре и позабочусь, чтобы Карлтон получил лечение по высшему разряду», – настаивала она, и Бао с благодарностью поддались на уговоры. Конечно, Элинон не раскрыла истинных мотивов подобного альтруизма: подобравшись ближе, она смогла бы разведать все подробности жизни этого семейства.

Элинон знала много избалованных сынков, но никогда не встречала матери, из которой сын вил бы веревки. Шаоянь вывезла трех горничных из Пекина, чтобы те помогали уха-

живать за Карлтоном, однако с завидным упорством все делала сама. После приезда в Сингапур Бао по необъяснимым причинам переехали три раза. Дейзи Фу, по ее мнению, оказала огромную услугу семейству Бао – благодаря связям она выбила им люкс в «Шангри-Ла», да еще и по льготной цене, – но Карлтон почему-то остался недоволен одним из лучших отелей Сингапура. Вскоре Бао перебрались в меблированную квартиру в «Хиллтопс», роскошной высотке на Леони-Хилл, через месяц снова переехали в еще более шикарное место на Грейндж-роуд, а теперь оказались в этом здании с нелепым автомобильным лифтом.

Элинор вспомнила, что читала о кондоминиуме на Скоттс-роуд в разделе недвижимости «Бизнес таймс»: это первый в Азии многоквартирный дом класса люкс, который может похвастаться биометрически управляемыми автомобильными лифтами и «смежными высотными гаражами» в каждой квартире. Только экспаты, имевшие на счетах целые состояния, или жители материка, сорившие деньгами направо и налево, захотели бы жить в таком месте. Карлтон, очевидно, относился ко второй категории и получил именно то, чего желал.

Она проехала пятьдесят этажей вверх, лифт наконец остановился, и Элинор обнаружила, что находится напротив гостиной Бао. Шаоянь стояла за стеклянной стеной и махала госте, а рядом с матерью сидел в инвалидном кресле Карлтон.

– Добро пожаловать! – воскликнула Шаоянь, когда Элинор появилась на пороге.

– Аламак, мне никогда в жизни не было так страшно! Я думала, что у меня началось головокружение, когда пол начал вращаться!

– Извините, миссис Янг, это была моя идея. Я думал, вам понравится автомобильный подъемник, – объяснил Карлтон.

Шаоянь бросила на Элинор виноватый взгляд:

– Надеюсь, теперь вы понимаете, почему нам пришлось переехать сюда. Фургон для инвалидов поднимается прямо на этаж, и Карлтон может без проблем попасть в квартиру.

– Да, очень удобно, – сказала Элинор, ни на секунду не поверив, что подъемник сыграл какую-то роль в выборе квартиры. Она обернулась, чтобы снова посмотреть на замысловатый гараж, но заметила, что стеклянная стена приобрела непрозрачный молочный оттенок. – Ох, умно! Я думала, сидишь в гостиной и день-деньской пялишься на свою машину. Особенно не повезет, если водишь старенький «субару».

– Не, вы можете смотреть на свою машину, если хотите, – хмыкнул Карлтон, касаясь экрана своего айпада-мини.

Стена снова стала прозрачной, но на этот раз благодаря специальным прожекторам и освещению в гараже двенадцатилетний «ягуар» выглядел как музейный экспонат, и Элинор втайне порадовалась, что ее водитель Ахмад отполировал машину накануне.

– Представьте себе, как великолепно будет смотреться там

хромированный «ламборгини-авентадор», – сказал Карлтон, с надеждой глядя на мать.

– Ты больше не сядешь за руль спортивной машины, – раздраженно отмахнулась Шаоянь.

– Еще посмотрим, – пробормотал Карлтон, бросив на гостью заговорщицкий взгляд.

Элинор улыбнулась в ответ, подумав, что сын Бао преобразился. Первые несколько недель после переезда в Сингапур Карлтон казался заторможенным, почти не смотрел ей в глаза и все время молчал. Сегодня молодой человек в инвалидной коляске болтал, даже шутил с ней, – может, его посадили на «Золофт» или какой-нибудь другой антидепрессант.

Шаоянь проводила Элинор в гостиную – агрессивно-современное пространство с окнами от пола до потолка и стенами из оникса с подсветкой. Вошла горничная из материкового Китая с подносом, стонавшим под весом чайного сервиза «Флора Даника», который Элинор лично сочла несоответствующим остальному декору.

– Давайте выпьем чая. Так мило, что вы проводите время в канун Нового года с нами, а не с мужем, – любезно сказала Шаоянь.

– Ну, Филип прилетит только поздно вечером. Наша семья начнет праздновать Новый год завтра. Кстати, о мужьях: Гаолян здесь?

– Вы просто разминулись. Ему пришлось вылететь обратно в Пекин. Ближайшие несколько дней муж посвятит раз-

ным официальным мероприятиям.

– Как жаль... Ну, вам придется оставить ему что-нибудь вкусненькое, – сказала Элинор, протягивая Шаоянь большую пластиковую сумку для покупок из ОГ²⁴.

– Ох, право, не стоило! – Шаоянь заглянула в сумку и вынула полдюжины разных контейнеров. – И что же это за вкусности?

– Просто некоторые традиционные новогодние лакомства, приготовленные поварами моей свекрови: тарталетки с ананасами, печенья-конвертики с сердечками, миндальное печенье и всякие разные десерты нонья куэ.

– Как это мило! Сесе!²⁵ Погодите, у меня тоже есть кое-что для вас. – Шаоянь поспешила в соседнюю комнату.

Карлтон посмотрел на десерты:

– Очень любезно с вашей стороны принести все эти угощения, миссис Янг. Что из них мы должны попробовать в первую очередь?

– Я бы начала с чего-то не слишком сладкого, например с миндального печенья, и постепенно перешла по шкале сладости к тарталеткам с ананасами, – посоветовала Элинор.

²⁴ Марка «Ориентал гарментс», более известная как ОГ, – сеть универмагов, основанная в 1962 году. Здесь продают одежду, аксессуары и предметы домашнего обихода по выгодным ценам, и это идеальное место для пожилых сингапурских дам определенного поколения. Они утверждают, что носят нижнее белье исключительно от «Ханро», а сами тайно покупают в ОГ все свои бюстгалтеры и трусики «Триумф» со скидкой. – *Примеч. автора.*

²⁵ Спасибо!

Она разглядывала лицо Карлтона. Шрам на левой щеке превратился в едва заметную линию и на самом деле даже добавлял толику очарования этим совершенным скулам. Карлтон был красивым молодым парнем – и даже после всех этих пластических операций так сильно напоминал Рейчел, что иногда было неприятно смотреть на него. К счастью, его шикарный английский акцент – совсем как у Ники! – был гораздо привлекательнее, чем абсурдная американская манера Рейчел растягивать слоги.

– Можно открыть вам маленький секрет, миссис Янг? – внезапно прошептал Карлтон.

– Разумеется!

Карлтон посмотрел в сторону коридора, чтобы убедиться, что мамы поблизости нет, а потом медленно оттолкнулся от подлокотников, поднялся с кресла и сделал пару нетвердых шагов.

– Ты ходишь! – воскликнула пораженная Элиноор.

– Тсс! Не так громко! – Карлтон снова сел в кресло. – Не хочу, чтобы мама видела, пока не смогу пересечь комнату. Врач считает, что через месяц я уже буду нормально ходить, а к лету даже бегать.

– Господи, я просто счастлива за тебя!

В гостиную вошла Шаоянь:

– Что за веселье? Карлтон рассказал, что к нему едет де-вушка?

– Да вы что?! – воскликнула Элиноор с возросшим инте-

ресом.

– Она не моя девушка, мама, – возразил Карлтон.

– Хорошо, *подруга* Карлтона придет к нам на следующей неделе, – пояснила Шаоянь.

Карлтон издал смущенный стон.

– Ай-я, Карлтон такой красивый и такой умный, – конечно, у него есть *подруга*! Очень жаль, среди наших знакомых так много подходящих симпатичных девушек, которые в очередь бы выстроились, чтобы я их с ним познакомила, – пошутила Элино́р.

Карлтон слегка покраснел.

– Вам нравится вид, миссис Янг? – сказал он, пытаясь сменить тему.

– Да, очень симпатично. Знаете, отсюда можно увидеть мою квартиру.

– Правда? И где же? – поинтересовалась Шаоянь.

Бао жили в Сингапуре уже три месяца, и ей казалось немного странным, что Элино́р ни разу не пригласила их к себе.

– Вон там, на вершине холма. Видите башню, которая выглядит так, будто надстроена прямо на крыше старого особняка?

– Да-да!

– На каком этаже? – спросил Карлтон.

– У меня пентхаус.

– Ого! Мы пытались занять пентхаус здесь, но он уже был

выкуплен! – посетовал Карлтон.

– Но разве эта квартира недостаточно большая? Вы же весь этаж занимаете?

– Ну да. Три тысячи пятьсот квадратных футов с четырьмя спальнями.

– Боже мой, вы наверняка выкладываете за аренду кругленькую сумму?

– Мы решили, что лучше купить квартиру, чем платить за аренду, – сообщил Карлтон с довольной ухмылкой.

– О! – воскликнула удивленная Элинор.

– А когда въехали, захотели приобрести этажи сверху и снизу, чтобы получился триплекс...

– Нет, мы пока только обдумываем эту возможность, – перебила Шаоянь сына.

– О чем ты, мама? Мы же подписали контракт два дня назад! Обратного пути нет!

Шаоянь поджала губы, но потом одернула себя и заставила улыбнуться. Ей было явно неловко, что ее сын все разболтал.

Элинор попыталась успокоить ее:

– Шаоянь, я думаю, вы приняли очень мудрое решение. Цены в этом районе всегда будут расти. Недвижимость в Сингапуре становится еще более востребованной, чем в Нью-Йорке, Лондоне или Гонконге.

– Именно так я и сказал маме, – кивнул Карлтон.

Шаоянь ничего не ответила и потянулась, чтобы налить

Элино́р чая. Та улы́бнулась, взяла чашку, в то время как в ее мозгу всюду работал калькулятор. В таком прекрасном месте квартира легко могла стоить пятнадцать миллионов баксов – вероятно, даже больше с учетом этого вычурного гаража, – а теперь они купили еще два этажа. Учитывая, что Бао – клиенты Эдди Чэна, Элино́р предполагала, что они богаты, но, видимо, все же недооценила их возможности.

Дейзи Фу была права с самого начала. Вскоре после встречи с Шаоянь в Лондоне она выдвинула теорию:

– Могу поспорить, что эти Бао богаче самого Господа. Вы не представляете, насколько богатыми стали материковые китайцы! Кажется, еще вчера Питер и Аннабель Ли были в числе первых миллиардеров материкового Китая, а теперь таких сотни. Мой сын говорит, что в Китае через пять лет будет больше миллиардеров, чем в Америке!

Мистер Вонг, проверенный частный детектив, с которым Элино́р познакомилась благодаря Лорене, последние несколько месяцев обшаривал Китай, пытаясь накопать как можно больше грязи на семейку Бао, и теперь Элино́р просто не терпелось прочесть досье.

После того как Карлтон и Шаоянь отдали дань новогодним десертам, хозяйка вручила госте́е большой красно-золотой пакет:

– Это небольшой подарок в честь праздника. Синьянь куайлэ!²⁶

²⁶ С НОВЫМ ГОДОМ!

– Ну что вы, не нужно было! Что это? – Элино́р вытащи-
ла из пакета мгновенно узнаваемую оранжево-коричневую
коробку и, подняв крышку, увидела, что там лежит сумка
«Биркин» от «Эрме».

– Нравится? Поскольку вы обычно выбираете нейтраль-
ные цвета, я решила, что вам подойдет оттенок «белый ги-
малайский», – объяснила Шаоянь. – Из кожи нильского кро-
кодила.

Элино́р знала, что эта сумочка, окрашенная в шоколад-
ные, бежевые и белые тона, как шерстка гималайской кошки,
должна стоить не менее ста тысяч долларов.

– Аламак! Это слишком щедро! Я не могу принять такой
подарок!

– Это на самом деле просто маленький знак признатель-
ности, – скромно сказала Шаоянь.

– Я ценю этот жест, но не могу принять это от вас. Мне
известно, сколько стоят такие вещи. Вы должны оставить ее
себе!

– Нет, слишком поздно! – произнесла Шаоянь, расстегива-
вая застежку и приподнимая крышку.

На коже были выгравированы инициалы Элино́р: «Э. Я.». Элино́р вздохнула:

– Это уж слишком! Я должна заплатить вам...

– Нет-нет, не обижайте нас! Ничто не сравнится с участи-
ем, которое вы проявили к нам в последние несколько меся-
цев.

Ты просто не знаешь, что у меня на уме, подумала Элино́р. Она обратилась к Карлто́ну:

– Помоги мне!

– Да ну, это такая мелочь!

– Вовсе не мелочь! Ты же понимаешь, я не могу принять столь щедрый подарок от твоей мамы!

Карлтон усмехнулся:

– Да ладно, миссис Янг. Позвольте мне кое-что вам показать.

Он выкатился из гостиной, приглашая Элино́р следовать за ним. В конце коридора он открыл дверь в одну из гостевых спален и включил свет. Элино́р заглянула в комнату: мебели там почти не было, но войти в спальню было практически невозможно.

Кругом на полу стояли сумки «Эрме» и целая куча коробок, на каждой из которых красовалась надпись «Биркин» или «Келли». Сумки были всех цветов радуги, изготовленные из всех возможных вариаций экзотической кожи. Вдоль каждой стены высились шкафы, явно сделанные на заказ, а в них виднелись ряды изделий «Эрме», освещенных мягким точечным светом. В комнате было более ста сумок, и калькулятор в мозгу Элино́р задымился.

– Это мамина «подарочная комната». Она дарит «Эрме» каждому доктору, медсестре и физиотерапевту в медицинском центре «Камден» – всем, кто помог мне за эти месяцы.

Элино́р с разинутым ртом уставилась на сумки, которыми

была набита комната.

– У мамы есть одна слабость. И теперь вы знаете какая, – улыбнулся Карлтон.

После этого Шаоянь показала Элиноর уникальные сумки «Эрме», изготовленные специально для нее. В глубине души Элинор сочла это пустой тратой денег. Только подумайте, сколько акций «Нобл групп» или «КэпитаЛэнд» можно было бы купить! При этом, разумеется, Элинор театрально ахала и охала над сумочками. Потом снова поблагодарила Бао за щедрый подарок и собралась уходить.

Карлтон сказал:

– На этот раз воспользуйтесь обычным лифтом, миссис Янг. Я сам отправлю вашу машину, и она будет ждать вас внизу.

– Ох, спасибо, Карлтон! А то у меня паническая атака начнется, если придется спускаться на автомобильном подъемнике!

Шаоянь и Карлтон проводили ее до лифта. Двери закрылись, но лифт не поехал сразу вниз, возникла странная заминка, и Элинор услышала, как Карлтон внезапно вскрикнул по другую сторону двери:

– Ой, мам! Больно! За что?!

– БАЙЧИ!²⁷ Зачем ты растрепал все Элинор Янг? Ничему не научился?! – заверещала Шаоянь на путунхуа.

Тут лифт быстро поехал вниз, и продолжения разговора

²⁷ Идиот!

Элино́р не слы́шала.

Ридаут-роуд

Сингапур

От: Астрид Тео <astridleongteo@gmail.com>

Дата: 9 февраля 2013, 10:42 PM

Кому:

Чарли

У

<charles.wu@wumicrosystems.com>

Тема: С НГ!

Приветик!

Просто хотела поздравить тебя с Новым годом! Приехала тут от родителей мужа – с ежегодного ужина с салатом юйшэн²⁸ – и вдруг вспомнила, как приходила к тебе домой на такой же ужин, когда в праздничном салате одним из ингредиентов была стружка 24-каратного сусального золота. Я помню, как рассказывала об этом маме, зная, что это ее шокирует. («Боже мой, эти У уже не знают, как потратить деньги, так что теперь они буквально их едят!») – вот что она

²⁸ Праздничное блюдо, которое подают во время китайского Нового года в Сингапуре, в переводе «сырая рыба», состоит из огромной тарелки с сырой рыбой, измельченными маринованными овощами и различными специями и соусами. Гости за столом подбрасывают ингредиенты в воздух палочками, желая друг другу процветания и изобилия. Считается, что чем выше вы бросаете, тем выше будет ваш достаток. – *Примеч. автора. От переводчика:* слово «рыба» («юй») созвучно китайскому слову «излишек».

мне сказала.)

Прости, что долго не писала, но последние несколько месяцев были просто безумными. Я ж тут типа начала работать... Сотрудничаю с Музеем изящных искусств, помогая за кулисами с некоторыми стратегическими приобретениями, поскольку музей расширяется.

(Пожалуйста, никому не говори. Они хотели официально сделать меня попечителем или назвать корпус в мою честь, но я отказалась. Нет желания видеть мое имя вырезанным на стене – я на самом деле думаю, что это ужасно.)

Если говорить о приобретениях, то новая компания Майкла в ударе! В прошлом году он купил два технологических стартапа в США, дав мне повод сопровождать его в нескольких поездках в Калифорнию и заодно навестить моего брата. У Алекса и Салимы теперь трое детей, и живут они в прекрасном доме в Брентвуде. В этом году моя мама наконец согласилась поехать со мной в Лос-Анджелес, чтобы встретиться со своими внуками (папа все еще отказывается признавать Салиму и «тех» детей). Конечно, мама влюбилась в них – крошки просто очаровательны.

Чего не скажешь о Кассиане, он далеко не подарок. Я пережила «ужасного двухлетку», но никто не сказал мне, что в пять лет все станет еще страшнее! Тебе крайне повезло, что у тебя девчонки. Сейчас мы пытаемся решить, стоит ли потянуть еще год, прежде чем он пойдет в начальную школу в АКШ²⁹. (Конечно,

²⁹ См. подробнее в романе «Безумно богатые азиаты».

Майкл вообще не согласен отдавать сына в АКШ и хочет определить Кассиана в международную школу. А ты как считаешь?)

А еще в октябре мы переехали в новый дом на Ридаут-роуд. Да, наконец! Хотя мне почти не пришлось тратить время, чтобы убедить Майкла покинуть маленькую квартиру, ведь он мог купить дом на свои деньги. Это одно из тех прекрасных бунгало, спроектированных Керри Хиллом в 1990-х годах, — классический тропический модерн, построенный вокруг трех дворов с зеркальными прудами. Мы наняли молодого местного архитектора, который обучался у Петера Цумтора, чтобы кое-что подновить, и фантастического итальянского ландшафтного дизайнера, чтобы сад меньше напоминал Бали и больше — Сардинию. (Да, меня все еще вдохновляет та наша поездка в «Кала ди Вольпе» много лет назад!)

Поэтому, конечно, переезд и обустройство нового дома стали для меня настоящей работой, причем я была занята полный рабочий день, хотя якобы в моем распоряжении имелась целая команда дизайнеров. Но угадай, что дальше? Нам скоро будет не хватать и девяти тысяч квадратных футов, поскольку Майкл увлекся коллекционированием исторических артефактов и винтажных «порше». Так что гостиная первого этажа теперь фактически является автосалоном. Ты можешь в это поверить? Два года назад я не могла уговорить своего мужа даже на покупку нового костюма!

Как ты? Видела тебя на обложке журнала «Вайред» в прошлом месяце – так горжусь тобой! Как девочки? Как Изабель? Судя по твоему последнему письму, вы были вдвоем в прекрасном месте. Что я тебе говорила? Неделя на Мальдивах без телефонов или Интернета оживит любой брак!

Если приедешь в Сингапур в этом году, пожалуйста, дай мне знать – проведу экскурсию по моему новому автосалону.

Целую!

А.

От: Чарли У <charles.wu@wumicrosystems.com>

Дата: 10 февраля 2013, 1:29 AM

Кому: Астрид Тео <astridleongteo@gmail.com>

Тема: Re: С НГ!

Привет, Астрид!

Работа в музее идеально тебе подходит. Я всегда думал, что ты внесешь большой вклад в культурную жизнь. Рад, что у тебя наконец появился дом, где достаточно места. Не уверен, что мне повезло. К примеру, младшенькая, Дельфина (ей четыре), заделалась у нас тут эксгибиционисткой. Как-то раз разделась догола и носилась по гонконгскому «Лэйн Кроуфорд», пока няньки ее не изловили. Подозреваю, что они были слишком заняты предновогодними распродажами, чтобы вообще что-то заметить. Ее старшая сестра Хлои (семь) переживает непростой

период, стала просто сорванцом. Нашла тут мои старые DVD с телесериалом «Северная сторона» и по какой-то причине буквально влюбилась в него (хотя я думаю, что она слишком маленькая, чтобы вообще хоть что-то там понять). Теперь она хочет быть пилотом маленького самолета или шерифом. Изабель совсем не рада этому, но, по крайней мере, теперь она выглядит гораздо более счастливой.

Счастливого года Змеи тебе и всей твоей семье!

С наилучшими пожеланиями,

Чарли

Это сообщение и любые прилагаемые документы содержат информацию от «У Майкросистемс» или дочерних компаний и могут быть конфиденциальными. Если вы не являетесь предполагаемым получателем, вы не можете читать, копировать, распространять или использовать эту информацию. Если вы получили письмо по ошибке, немедленно сообщите об этом отправителю по электронной почте, а затем удалите это сообщение.

От: Астрид Тео <astridleongteo@gmail.com>

Дата: 10 февраля 2013, 7:35 AM

Кому:

Чарли

У

<charles.wu@wumicrosystems.com>

Тема: Re: Re: С НГ!

Господи, я помню, как мы увлекались этим сериалом, пока жили в Лондоне. Я была без ума

от Джона Корбетта. Интересно, что с ним сейчас? Помнишь ту идею, когда ты вдохновился Адамом из кафе «Брик»? Хотел найти старую закусочную на стоянке для грузовиков, посреди какой-нибудь дыры на пустынной дороге на Оркнейских островах или Северо-Западных территориях Канады, и нанять гениального шеф-повара, который обучался в лучших ресторанах Парижа, чтобы он там готовил. Мы бы подавали самую изысканную, инновационную еду, но не стали бы ремонтировать закусочную и по-прежнему использовали бы старые пластиковые тарелки, а цены были бы, как в обычной забегаловке. Я бы работала официанткой и носила одежду только от Анн Демельмейстер. А ты бы стал барменом и наливал исключительно лучшие односолодовые виски и самые редкие вина, но все этикетки мы бы соскребли, чтобы никто ничего не узнал. Люди просто время от времени случайно натыкались бы на наше заведение, где подают лучшую еду в мире! Я все еще думаю, что это блестящая идея! Не слишком переживай из-за своих дочерей. Думаю, что нудизм – прекрасная вещь для детей (но, возможно, вам следует отправить ее в Швецию на лето), а моя двоюродная сестра Софи тоже прошла через стадию сорванца. (Хотя, погоди, ей уже за тридцать, а я до сих пор никогда не видела ее покрашенной или в юбке. Упс.)

Целую,

А.

Р. S. Почему ответы становятся все короче? Твои последние письма были очень короткими по сравнению с моими пространными томами. Если бы я не знала, насколько ты занят завоеванием мира, то уже бы разобиделась!

От: Чарли У <charles.wu@wumicrosystems.com>

Дата: 10 февраля 2013, 09:04 AM

Кому: Астрид Тео <astridleongteo@gmail.com>

Тема: Re: Re: Re: С НГ!

Джон Корбетт живет с Бо Дерек с 2002 года. Думаю у него все ОК.

Твой Ч.

Р. S. Я не завоевываю мир, это твой муж завоевывает. Я занят поисками гениального шеф-повара, который согласился бы жить в Патагонии и готовить для шести клиентов в месяц.

Это сообщение и любые прилагаемые документы содержат информацию от «У Майкросистемс» или дочерних компаний и могут быть конфиденциальными. Если вы не являетесь предполагаемым получателем, вы не можете читать, копировать, распространять или использовать эту информацию. Если вы получили письмо по ошибке, немедленно сообщите об этом отправителю по электронной почте, а затем удалите это сообщение.

Тайерсаль-парк

Сингапур, китайский Новый год, утро

Три седана «мерседес» S-класса одинакового цвета с номерами TAN01, TAN02 и TAN03 на серебряных табличках торчали в утренней пробке по дороге в Тайерсаль-парк. В первой машине Лилиан Мэй Тань, матриарх семьи с фамилией, столь беззастенчиво выставленной на всех автомобилях, рассматривала красно-золотые китайские новогодние украшения, развешенные на каждом фасаде вдоль Орчард-роуд. Год от года они, казалось, становились все более вычурными и безвкусными.

– Господи, что это?!

Сидевший на переднем пассажирском сиденье Эрик Тань посмотрел на огромный светодиодный рекламный щит с анимацией, которая вполне могла бы вызвать эпилептический припадок, и издал смешок:

– Бабушка, я думаю, это красная змея, и она... хм... заползает в... хм... золотой туннель.

– Очень странная змея, – высоким голосом заявила Иви, новая жена Эрика.

Лилиан Мэй воздержалась от упоминания того, на что, по ее мнению, походило упитанное существо со сверкающей го-

ловой. В памяти мелькнула картинка, которую она видела давным-давно, когда покойный муж – упокой, Господь, его душу! – привел ее на одно весьма своеобразное живое шоу в Амстердаме.

– Надо было ехать по Клемансо-авеню! Теперь мы застряли на Орчард-роуд, – проворчала Лилиан Мэй, раздражаясь.

– Ай-я, тут куда ни поверни – всюду пробки, – сказала ее дочь Джеральдина.

Начиная с первого дня китайского Нового года сингапурцы участвуют в уникальном ритуале. Люди по всему острову лихорадочно мечтают по домам родственников и друзей, чтобы поздравить с праздником, обменяться красными конвертами³⁰ и сесть за новогодний стол. Первые два дня наступившего года являются наиболее важными, и соблюдается строгий протокол, поскольку сингапурцы организуют визиты в определенном порядке старшинства, в первую очередь отдавая дань уважения старшим, наиболее уважаемым (и обычно

³⁰ Красные конверты с золотым тиснением, набитые наличными, раздаются во время праздника супружескими парами одиноким гостям, особенно детям, – на удачу. Суммы варьируются в зависимости от уровня дохода дарителя, но можно с уверенностью сказать, что минимальная сумма в состоятельных домах составляет сто долларов. К концу недели большинство детей получает тысячи долларов, а для некоторых все их карманные деньги за год зависят от этого ритуала. Однако конверты в Тайерсаль-парке вопреки традициям делают из бледно-розового пергамента, и денег туда кладут номинальное количество, чисто символическое. Вот почему поколения детей, которых каждый год отправляют в Тайерсаль-парк, разочарованно выкрикивают: «Не, ну вы гляньте! Всего два доллара!» – *Примеч. автора.*

самым богатым) родственникам.

Предполагается, что взрослые дети, живущие отдельно, навещают своих родителей, младшие братья и сестры должны проводить каждого из своих старших братьев и сестер в порядке убывания возраста, двоюродные и троюродные навещают весь день родню с отцовской стороны, а на следующий день необходимо повторить весь процесс с родственниками с материнской стороны³¹. В больших семьях весь этот процесс часто включает сложные графики, составленные в «Экселе», приложения для отслеживания красных конвертов и литры русской водки, чтобы притупить мигрень из-за этого хаоса.

Семейство Тань гордилось тем, что всегда первым прибывало в Тайерсаль-парк в Новый год. Несмотря на то что эти потомки магната Тань Ва Ви, разбогатевшего на торговле резиной в XIX веке, приходились четвероюродными родственниками Янгам и технически не должны были быть первыми посетителями, они установили традицию незамедлительного появления ровно в десять утра еще с 1960-х годов (главным образом потому, что покойный муж Лилиан Мэй не хотел пропустить общение со всеми супер-пупер-ВИПами, которые обычно появлялись рано).

Когда автоколонна наконец добралась до Тайерсаль-авеню и поехала по гравийной дороге обширного поместья,

³¹ Если ваши родители развелись и вступили в повторный брак или ваш дедушка взял несколько жен и завел сразу несколько семей, то вам просто звезда. — *Примеч. автора.*

Джеральдина провела с Иви экспресс-инструктаж по общению с новой родней:

– Итак, Иви, обязательно поприветствуй Суи на южно-миньском диалекте – и не заговаривай с ней, пока она к тебе сама не обратится.

– Хорошо, – кивнула Иви и уставилась на элегантные ряды пальм вдоль дороги, ведущей к самому величественному дому, который она когда-либо видела. С каждой секундой молодая женщина все больше нервничала.

– Избегай любых зрительных контактов с тайками, которые ей прислуживают. Рядом с двоюродной бабушкой Суи всегда торчат две служанки, они тебя запросто сглазят! – предупредил Эрик.

– Боже...

– Перестань пугать бедную девочку, – фыркнула Лилиан Мэй.

Когда семья вышла из машин и приготовилась войти в дом, Джеральдина прошептала на ухо матери последнее предупреждение:

– Помни, что нельзя упоминать про Ники. Ты в прошлом году чуть не довела бабушку Суи до инсульта, когда спросила, где он.

– А почему ты думаешь, что Ники и в этот раз не будет? – поинтересовалась Лилиан Мэй, чуть присев у бокового зеркала «мерседеса», чтобы поправить изящные локоны, волнами сбегające по плечам.

Джеральдина быстро оглянулась, прежде чем продолжить.

– Ай-я, ты даже не в курсе последних известий! Моника Ли по секрету рассказала мне, что племянница Паркер Йо получила сенсационное сообщение от Тедди Лим. Похоже, Ники собирается жениться на этой девице в следующем месяце. Вместо масштабной свадьбы здесь они поженятся в Калифорнии на пляже! Можешь представить?

– Ого! Вот это позор! Бедная Суи! Бедная Элинора! Какая потеря лица. Все ее попытки продвинуть Ники как самого любимого внука потерпели крах!

– Помни, мамуля, твоя задача – не проболтаться!

– Не волнуйся, я ничего не скажу Суи, – пообещала Лилиан Мэй.

Она была рада, что наконец-то оказалась здесь, в Тайерсаль-парке, в этом оазисе великолепия, далеко от яркого новогоднего китча, заполонившего остальную часть острова. Когда Лилиан переступила порог, ей показалось, будто она очутилась в другой эпохе. Это был дом, где строго придерживались традиций, предписанных его требовательной хозяйкой, и в праздники он преображался весьма изысканным образом. Вместо белых орхидей фаленопсис, которые обычно встречали посетителей в холле, на старинный каменный стол ставили высокие букеты розовых пионов. Наверху в гостиной, на стене, инкрустированной серебром и лазуритом, вешали каллиграфический свиток длиной двадцать футов с новогодним стихотворением Сюй Чжимо, написанным в

честь покойного мужа Суи, сэра Джеймса Янга; белые занавески, обычно хлопавшие по дверям веранды, заменяли на шелковые панели бледно-розового оттенка.

В залитом солнцем зимнем саду только-только начался новогодний чайный ритуал. Суи, великолепно выглядевшая в бирюзовом шелковом платье с высоким воротом и единственной ниткой культивированного жемчуга оперной длины, восседала на мягком плетеном стуле у застекленных дверей, за ней маячили служанки-тайки, в то время как трое ее детей среднего возраста выстроились перед ней в ряд, как школьники, ожидающие своей очереди, чтобы сдать матери домашнюю работу.

Фелисити и Виктория наблюдали, как их брат Филип торжественно подносит матери маленькую чашку обеими руками и озвучивает пожелания крепкого здоровья и процветания. После того как Суи сделала глоток чая улун, закусывая сушеными финиками, настала очередь Элинор. Когда Элинор взяла богато украшенный чайник эпохи Цин и начала наливать в чашку дымящийся напиток, послышался шум. Это пожаловали первые гости.

– Тани приперлись. С каждым годом приходят раньше и раньше! – раздраженно буркнула Фелисити.

Виктория неодобрительно покачала головой:

– Джеральдина всегда беспокоится, что ей не хватит еды. Она с каждым годом становится все толще – мне страшно представить, насколько зашкаливает у нее уровень холесте-

рина.

– Ты слышала, этот никчемный Эрик Тань женился на индонезийке? Интересно, она совсем темнокожая? – сказала Фелисити.

– Она индонезийская китаянка, ее мать – одна из сестер Лим, поэтому, уверяю тебя, она будет посветлее, чем все мы, вместе взятые. Кстати, Кассандра предупредила меня, что тетя Лилиан Мэй только что вернулась из Америки и привезла оттуда новый парик. Она думает, что в нем выглядит моложе, однако, по словам Кассандры, теперь старуха – вылитый понтианак³², – пробормотала Виктория.

– Красотища! – хихикнула Фелисити.

В этот момент в комнату ворвалась Лилиан Мэй, сопровождаемая свитой сыновей и дочерей с супругами и внуков. Матриарх семьи Тань подошла к Суи, слегка поклонилась и по традиции поздравила с Новым годом, пожелав процветания.

– С Новым годом, а вы кто? – спросила Суи, глядя на гостью сквозь тонированные бифокальные очки.

Лилиан Мэй была ошарашена:

– Суи, это же я, Лилиан Мэй Тань!

Суи выдержала секундную паузу, прежде чем сказать со-

³² Женщина-призрак с длинными, похожими на крысиное гнездо волосами, обитающая на банановом дереве. Согласно индонезийской и малайской мифологии, понтианаками называют духов женщин, которые умерли во время родов. Понтианак убивает своих жертв, разрывая им животы острыми грязными ногтями и пожирая их внутренности. Мм-м. – *Примеч. автора.*

вершенно невозмутимым тоном:

– О, я не узнала тебя с новой прической. Думала, та злая англичанка из «Династии» заглянула в гости.

Лилиан не знала, радоваться ей или обижаться, но все остальные в комнате разразились смехом.

Вскоре начали прибывать другие члены расширенного клана Янг-Цянь-Шан, и все бросились осыпать друг друга новогодними поздравлениями, совать детям красные конверты, делать друг другу комплименты по поводу нарядов, комментируя, кто прибавил в весе, а кто выглядит слишком худым, обмениваться отчетами о том, чей дом только что был продан, демонстрируя фото на тему последних отпусков / внуков / медицинских процедур и с аппетитом лакомясь тарталетками с ананасом.

Когда толпа слегка поредела и гости двинулись к парадной лестнице в сторону гостиной наверху, Лилиан Мэй воспользовалась возможностью, чтобы поприветствовать Элиноর:

– Я не хотела делать комплименты перед Фелисити и Викторией, которые всегда так тебе завидуют, но должна сказать, что это фиолетовое платье с запахом выше всяческих похвал! Ты, безусловно, самая элегантная женщина среди собравшихся!

Элинор милостиво улыбнулась:

– Ты тоже прекрасно выглядишь. Этот наряд очень необычен... а кафтан можно снять?

– Да, приобрела его, когда навещала сестру в Сан-Фран-

циско. Открыла там для себя нового чудесного дизайнера. Как его имя? Дай мне подумать... Эдди Фишер. Нет-нет... Эйлин Фишер! Кстати, сейчас на Западном побережье действительно необычно холодная зима. Вы должны взять с собой очень теплую одежду в поездку.

– В какую поездку? – Элино́р нахмурилась.

– В Калифорнию.

– Но я не еду ни в какую Калифорнию.

– Но вы ведь с Филипом наверняка поедете на... – Тут Лилиан внезапно осеклась.

– Куда?

– Господи, я такая дура... Прости, я тебя с кем-то перепутала. Старею, – пробормотала Лилиан и подумала: «И это меня до смерти раздражает». – Ой, смотри, а вот и Майкл с Астрид! Астрид просто великолепна. А малыш Кассиан просто очаровашка в галстук-бабочке. Пойду ущипну эту пухлую щечку!

Элино́р стиснула зубы. Эта Лилиан Мэй была никудышной лгуньей. Что-то вот-вот произойдет в Калифорнии, и Элино́р перебирала в уме варианты. Зачем ей и Филипу отправляться в забытую богом Калифорнию вместе? Разве что на какое-то важное мероприятие с участием Ники. Он наконец женится? Да, да, наверное. Конечно, единственным человеком, знавшим правду, была Астрид, которая в эту самую минуту стояла на лестничной площадке, пока Лилиан Мэй как-то странно ощупывала ее платье. Издалека казалось, что

на Астрид довольно простое белое платье-рубашка с синими вставками на рукавах и подоле, но, когда Элинор подошла ближе, она поняла, что синие детали на самом деле были шелковой вышивкой, имитирующей китайский геометрический орнамент.

– Ай-я, Астрид, каждый год я прихожу сюда просто посмотреть, какое платье от-кутюр ты наденешь! И ты, конечно, не разочаровала! Ты, безусловно, самая элегантная женщина среди собравшихся. Кто дизайнер? Бальман? Шанель? Диор? – ворковала Лилиан Мэй.

– Ой, это просто эксперимент моего приятеля Юна³³ специально для меня, – ответила Астрид.

– Просто божественно! А Майкл! Из Тоа-Пайо – в магнаты! Сын говорит, что он станет сингапурским Стивом Гейтсом.

– Ха, ну что вы, тетушка, – сказал Майкл, слишком вежливый, чтобы поправлять старую леди.

– Это правда! Всякий раз, когда я открываю «Бизнес таймс», вижу твое лицо на фото. Поделишься самыми свежими новостями на рынке? – спросила Элинор, присоединяясь к группе.

– Тетя Элли, судя по тому, что говорят мои друзья из «Джей Кей Го», это вы можете дать мне пару советов по куп-

³³ Юн Такахаси – ведущий дизайнер культового лейбла «Андеркавер». Прототип платья Астрид, возможно, вдохновил Такахаси на создание осенне-зимней коллекции 2014. – *Примеч. автора.*

ле-продаже акций, – хохотнул Майкл, явно довольный невиданным восхищением со стороны родственников жены.

– Чушь, лах! Я просто мелкая сошка по сравнению с тобой. Прости, но мне нужно на минутку украсть твою жену, – сказала Элино́р.

Она взяла Астрид под локоток и повела по длинной гостиной в угол, где стоял рояль. Молодой пианист выглядел так, будто едва закончил первый курс сингапурского музыкального колледжа, он обильно потел в своем костюме, исполняя какой-то безобидный шопеновский этюд.

По силе хватки Астрид поняла, что у тети серьезный разговор. Заглушая музыку, Элино́р спросила:

– Я хочу знать правду. Ники женится в Калифорнии?

Астрид сделала глубокий вдох.

– Да.

– Когда?

– Не хочу тебя обманывать, но я обещала Ники, что не стану выдавать никаких подробностей, поэтому тебе придется спросить у него самой.

– Ты же отлично знаешь, что мой сын не отвечает на звонки больше двух лет.

– Это касается только вас. Пожалуйста, не втягивай меня в ваши отношения.

– Ты и так уже втянута по самое не балуйся, хочешь ты того или нет, поскольку у вас от меня секреты! – разъярилась Элино́р.

Астрид вздохнула. Она ненавидела подобные стычки.

– Учитывая обстоятельства, ты отлично понимаешь, почему я не могу тебе этого сказать.

– У меня есть право знать!

– Да, но у тебя нет права срывать его свадьбу!

– Я не собираюсь ничего срывать! Ты обязана мне сказать.
Я ЕГО МАТЬ, ЧЕРТ ПОДЕРИ! – взорвалась Элинор, забыв, где находится.

Шокированный пианист перестал играть, и все взгляды в комнате теперь были прикованы к ним. Астрид видела, что даже бабушка с недовольством посматривает в их сторону.

Астрид поджала губы, отказываясь отвечать.

– Просто потрясающе! – Элинор сверлила ее гневным взором.

– Потрясающе, что ты ожидаешь, будто Ники захочет видеть тебя на свадьбе! – ответила Астрид дрожащим голосом и ушла.

За три недели до Нового года повара Янгов, Шанов и Цяней собирались в кухне Тайерсаль-парка, чтобы начать марафон по производству новогодних деликатесов. Маркус Сим, известный кондитер семьи Шан, проживающий в их поместье в Англии, прилетал, чтобы приготовить всевозможные десерты нонья: разноцветные многослойные куэ ляпис, деликатно вылепленные куэ «красные черепашки» и, конечно же, свое знаменитое печенье куэ бангкит с миндалем.

А-Лянь, давний повар Цяней, руководил командой, ответственной за трудоемкое приготовление тарталеток с ананасом, греховно-сладких няньгао и пикантных цай тао куэ с дайконом. А-Цин, кухарка в Тайерсаль-парке, отвечала за новогодний стол, где ежегодно появлялась гигантская запеченная ветчина (с ее фирменным соусом из ананасового бренди).

Но впервые за много лет Элинора не наслаждалась обедом, едва притронувшись к ветчине, которую Джеральдина Тань объявила «даже более сочной, чем в прошлом году», и не могла даже смотреть на любимые няньгао. Ей нравилось, как здесь готовили этот десерт из клейкого риса: нарезали массу кусочками в форме полумесяца, опускали в жидкое тесто и жарили до золотисто-коричневого цвета, чтобы снаружи образовалась легкая корочка, но при этом десерт таял во рту сразу же, как укусишь. Увы, сегодня у нее просто не было аппетита. Следуя строгому протоколу рассадки, она оказалась в ловушке рядом с епископом Сингапура и пристально смотрела на мужа по другую сторону стола: он накладывал себе в тарелку очередную порцию ветчины, непринужденно болтая с женой епископа. Как у него кусок лез в горло в такой момент? Час назад она спросила Филипа, слышал ли он что-нибудь о свадьбе Ники, и муж шокировал ее ответом:

– Разумеется.

– ЧТО? Почему ты мне не рассказал?

– А не о чем рассказывать. Я же знал, что мы не поедем.

– Что ты имеешь в виду? **НЕМЕДЛЕННО ВЫКЛАДЫВАЙ!** – потребовала Элино́р.

– Ники позвонил мне в Сидней и спросил, не хочу ли я приехать на его свадьбу. Я спросил, приглашена ли ты, и он ответил «нет». Поэтому я сказал ему: «Удачи, парень, но я не приду, если твоя мать не приедет», – спокойно объяснил Филип.

– Где свадьба? Когда?

– Я не знаю.

– Аламак! Как ты можешь не знать, когда он пригласил тебя?

Филип вздохнул:

– Я не спрашивал. Это не важно, раз мы все равно не едем.

– Почему ты не рассказал мне о разговоре?

– Потому что я знал, что у тебя крышу снесет от этой новости.

– Ты идиот! Беспросветный идиот! – взвизгнула Элино́р.

– Видишь, что́ я говорил.

Элино́р ковыряла палочками горячую лапшу, делая вид, что слушает жалобу епископа на жену какого-то пастора, которая тратила миллионы на то, чтобы стать знаменитой поп-звездой. За детским столом няня Кассиана пыталась уговорить его закончить обед.

– Не хочу макаронки! Хочу мороженку! – капризничал мальчик.

– Это Новый год. Сегодня никакого мороженого.

Внезапно Элинор пришла на ум блестящая идея. Она позвала одну из служанок и сказала:

– Будь любезна, передай А-Цин, что у меня все горло обожжено горячей пищей. Я дико хочу мороженого.

– Мороженого, мэм?

– Да, любое подойдет. Все, что найдется в кухне. Только не тащи его сюда. Встретимся в библиотеке.

Пятнадцать минут спустя, выдав няне Кассиана пять хрустящих стодолларовых купюр, Элинор сидела за лакированным столом в библиотеке, наблюдая, как мальчик поглощает мороженое из большой серебряной миски.

– Кассиан, когда мамы не будет дома, ты можешь просто попросить Людивин позвонить мне, и мой водитель заедет и отвезет тебя поесть мороженого, когда только пожелаешь, – сказала Элинор.

– Правда? – Глаза Кассиана расширились.

– Разумеется. Но это будет наш маленький секрет. Кстати, а когда мамочка уедет? Она не говорила, что скоро сядет в самолет и полетит в Америку?

– Ага. В марте.

– Она говорила, куда поедет? В Купертино? Или Сан-Франциско? Лос-Анджелес? Диснейленд?

– В Лос-Анджелес, – ответил Кассиан, отправляя в рот еще одну ложку мороженого.

Элинор вздохнула с облегчением. Времени еще предоста-

точно. Она потрепала мальчика по голове и улыбнулась, увидев, что его классическая рубашка «Бонпойнт» спереди вся заляпана горячей помадкой. *Вот тебе, Астрид, за то, что пыталась утаить от меня такие важные вещи!*

Мортон-стрит

Нью-Йорк

10 февраля 2013 года, 18:38, тихоокеанское поясное время

Текстовые сообщения на мобильный Николаса Янга (номер, который не знают родители)

Астрид: Твоя мама узнала про свадьбу. С НГ!

Ник: Что за черт? Как?

Астрид: Не знаю, кто проболтался. Она пристала ко мне у бабушки. Все кончилось плохо.

Ник: Правда???

Астрид: Она взбесилась и устроила сцену, когда я не рассказала подробности.

Ник: Она не знает когда, где и т. п.?

Астрид: Нет, но не сомневаюсь, что узнает в итоге. Готовься.

Ник: Я удвою охрану. Найдем бывших моссадовцев.

Астрид: Убедись, что они правда из Тель-Авива. С хорошим загаром, щетиной и крепким прессом.

Ник: Нам нужны злодеи. Может, стоит позвонить Путину, посмотрим, кого он посоветует.

Астрид: Скучаю. Пора бежать. Лин Чэ звонит в гонг,

приглашает к столу.

Ник: Пожалуйста, пожелай ей счастливого Нового года. Оставьте мне куэ с дайконом.

Астрид: Соберу для тебя крошечки.

Ник: Мои любимые!

10 февраля 2013 года, 9:47, восточное поясное время

Сообщение на автоответчике Николаса Янга в Нью-Йорке

Ники, алло? Ты там? С Новым годом! Вы празднуете в Нью-Йорке? Я надеюсь, что вы собираетесь отметить наш праздник. Если не сможете найти юйшэн в Китайском квартале, по крайней мере, съешьте тарелку лапши. Мы были у бабушки весь день. Все пришли. Все твои двоюродные и троюродные братья и сестры. Новая индонезийская жена Эрика Таня очень красивая, и у нее очень белая кожа.

Думаю, она ее отбеливает. Я слышала, что они устроили грандиозную свадьбу, как у Колина и Араминты, только в Джакарте. Родня невесты, конечно, взяла на себя ббольшую часть расходов. Уверена, теперь они будут платить и за все убыточные фильмы Эрика. Ники, пожалуйста, позвони мне, когда получишь это сообщение. Мне нужно кое-что обсудить с тобой.

11 февраля 2013 года, 8:02, восточное поясное время

Сообщение на автоответчике Николаса Янга в Нью-Йорке

Ники, ты там? Аламак, это уже не смешно. Ты не можешь и дальше игнорировать меня. Пожалуйста,

перезвони. Мне нужно сказать тебе кое-что важное – и тебе будет интересно это узнать, гарантирую. Пожалуйста, позвони мне как можно скорее.

12 февраля 2013 года, 11:02, восточное поясное время

Сообщение на автоответчике Николаса Янга в Нью-Йорке

Ники, это ты? Ники? Его нет дома... Это папа. Пожалуйста, позвони маме. Ей нужно срочно поговорить с тобой. Я хочу, чтобы ты на время забыл о своих переживаниях и просто позвонил ей. Это ведь китайский Новый год! Пожалуйста, будь хорошим сыном и позвони домой.

Первой сообщения услышала Рейчел. Они с Ником только что вернулись домой из Калифорнии. Поставили багаж, и Ник выбежал за сэндвичами в «Ла Панинерию». А Рейчел начала распаковывать вещи и заодно проверила голосовую почту на домашнем телефоне.

– У них кончилась мортаделла, поэтому я взял прошутто с фонтиной и инжирной горчицей, а еще панини с моцареллой, помидорами и песто... Подумал, что можно съесть напополам, – сообщил Ник, вернувшись. Передавая пакет Рейчел, он почувствовал перемену в ее настроении. – Ты в порядке?

– Мм... тебе нужно прослушать голосовые сообщения, – сказала Рейчел, протягивая ему беспроводной телефон.

Пока Ник слушал, Рейчел пошла в кухню и начала разворачивать сэндвичи. Она заметила, что пальцы ее дрожат и ей трудно принять простое решение – оставить сэндвичи в воощенной бумаге или положить на тарелки. На миг она рассердилась на себя. Вот уж не думала, что голос Элинор возымеет такой эффект. Какие ощущения он вызвал? Беспокойство? Ужас? Рейчел и сама не знала.

Войдя в кухню, Ник сказал:

– Мне кажется, впервые в жизни папа оставил мне голо-совое сообщение. Я всегда сам звонил ему. Наверное, мама его достала.

– Похоже, секрет перестал быть секретом. – Рейчел выдавила улыбку, пытаясь замаскировать нервозность.

Ник поморщился:

– Астрид прислала мне предупреждение, пока мы гостили у твоего дяди, но я не хотел портить Новый год. Хватило одних разговоров про твоего отца... Стоило бы догадаться, что это произойдет.

– И что ты намереваешься делать?

– Ровным счетом ничего.

– Ты правда собираешься игнорировать ее звонки?

– Разумеется. Я не буду играть в ее игру.

Сначала Рейчел испытала облегчение, но потом ее охватили противоречивые чувства: сумеет ли Ник справиться с ситуацией? В прошлый раз, когда он игнорировал мать, это привело к неприятностям. Он снова совершает большую

ошибку?

– Ты уверен, что не хочешь хотя бы поговорить с отцом? Может быть, попытаться как-то выяснить отношения перед свадьбой?

Ник задумался.

– Так ничего не нужно выяснять. Папа уже дал нам свое благословение, когда я разговаривал с ним месяц назад. По крайней мере, он рад за нас.

– А что, если сообщение не связано со свадьбой?

– Слушай, если родителям потребуется сказать мне что-то реально важное, то они просто наговорят это в сообщении. Или Астрид передаст. Это какая-то новая интрига, которую сплела моя матушка, чтобы попытаться в последний раз отговорить меня от женитьбы. Я ей все объяснил, а она ведет себя, как бешеная собака, которая ни в какую не хочет отпустить твою ногу.

Рейчел прошла в гостиную и опустилась на диван. Вот она, девочка, которая выросла, так и не узнав своего отца... Как бы она ни ненавидела Элинор Янг, сейчас ей было очень грустно, оттого что Ник настолько отдалился от своей матери. Рейчел знала, это не ее вина, но тошно было при мысли, что отчасти причина в ней. Она несколько минут размышляла, прежде чем наконец сказала:

– Мне жаль, что все так получилось. Никогда не думала, что из-за меня ты окажешься в подобном положении.

– Да в каком таком положении я оказался?! Мама сама во

всем виновата, и ей некого винить, кроме себя.

– Я просто не думала, что так выйдет... В итоге на свадьбе не будет родителей жениха и большей части его родни...

Ник присел рядом:

– Мы это уже обсуждали. Все будет хорошо. Астрид и Алистер приедут, а они мои ближайшие родственники. Знаешь, я всегда ненавидел традиционные китайские свадьбы, на которые приглашены все родственники до единого чуть ли не с домашними питомцами. Мы собираемся устроить церемонию в окружении вашей семьи и наших ближайших друзей. Только ты, я и некоторые наши родные. А больше нам никто не нужен.

– Ты уверен?

– Более чем, – заверил Ник и начал целовать ее нежную кожу над ключицами.

Тихо вздохнув, Рейчел закрыла глаза. Она надеялась, что Ник действительно имел в виду то, что сказал.

Пару недель спустя студенты, выбравшие в Нью-Йоркском университете курс «Британия между войнами: потерянное поколение – открытие, изучение, возрождение», насладились прелюбопытным зрелищем. Посреди лекции профессора Янга две очень загорелые и очень белокурые амазонки вошли в аудиторию. Они были одеты одинаково – в облегающие темно-синие кашемировые свитера и безукоризненно отглаженные белые льняные брюки. На голове у каж-

дой блондинки красовалась белоснежная морская фуражка с золотым шнуром. Парочка продефилировала к доске.

– Мистер Янг? Требуется ваше присутствие. Не соблаговолите ли пройти с нами? – обратилась к профессору одна из блондинок. Она говорила с сильным норвежским акцентом.

Не зная, как реагировать на происходящее, Ник ответил:

– Лекция заканчивается через двадцать пять минут. Подождите за дверью, и после занятий мы поговорим.

– Боюсь, это невозможно, мистер Янг. Дело не терпит отлагательств. Нам велено доставить вас немедленно.

– Немедленно?

– Да, немедленно, – кивнула вторая блондинка. В ее английском слышалось сильное влияние африкаанса, так что голос звучал еще строже, чем у норвежки. – Проследуйте с нами.

Пара была сорвана, и Ник начал уже закипать, как вдруг до него дошло: это, должно быть, какой-то предсвадебный розыгрыш – скорее всего, сюрприз от его лучшего друга Колина Ху. Ник заверил Колина, что не хочет никакого мальчишника и вообще шумихи, но похоже, что две длинноногие блондинки – часть некоего замысловатого плана.

– А что, если я не пойду с вами? – поинтересовался он с игривой улыбкой.

– Тогда вы не оставите нам выбора и мы будем вынуждены прибегнуть к крайним мерам, – предупредила норвежка.

Ник у едва удалось сохранить невозмутимый вид. Он на-

деялся, что эти дамочки не собираются включать бум-бокс и устраивать стриптиз. Аудитория погрузилась бы в полный хаос, и он потерял бы контроль над этими и без того не слишком внимательными студентами. Не говоря уже о заработанном с таким трудом авторитете – ведь Ник выглядел ненамного старше большинства из них.

– Дайте мне пару минут на сборы, – наконец сказал он.

– Хорошо, – дружно закивали блондинки.

Десять минут спустя Ник вышел из аудитории, а взбужденные студенты выхватили телефоны – и новость полетела в Интернет. В «Твиттере» тут же появились сообщения, в «Инстаграме» – фотографии профессора, которого уводили две статные белокурые морячки.

Перед зданием университета на площади пленника ждал серебристый внедорожник «БМВ» с тонированными стеклами. Ник неохотно сел в машину и, когда она помчалась по Хьюстон-стрит к шоссе Вест-Сайд, задумался о том, куда его везут. Он терялся в догадках.

Но вот на Пятьдесят второй улице седан вырулил на съезд, ведущий к терминалу Манхэттена. Там стояли все круизные лайнеры, пришедшие в Нью-Йорк. На пирсе 88 пришвартовалась суперяхта – как минимум пятипалубная. Этот монстр гордо именовался «Один». «Господи, у Колина слишком много свободного времени и денег!» – подумал Ник, глядя на гигантское судно, которое сверкало, когда осколки солнечного света, отражаясь от воды, плясали

на темно-синем корпусе. Ник поднялся по трапу и вошел в большой кокпит – устремленный ввысь атриум с круглым стеклянным лифтом посередине, который выглядел так, как будто его украли из магазина «Эппл стор». Блондинки провели Ника в лифт, тот поехал вверх и открылся на следующей палубе.

– Можно было бы подняться по лестнице, – с иронией заметил Ник.

Он вышел из лифта, ожидая увидеть толпу друзей, включая Колина Ху, Мехмета Сабанджи и кого-то из двоюродных братьев, но оказался один со своими сопровождающими на главной палубе яхты. Амазонки повели его через ряд помещений с роскошными интерьерами: по залам, обшитым панелями из золотистого платана, мимо барных стульев, обитых крайней плотью кита, по салону с потолком, который светился, как инсталляция Джеймса Таррелла.

У Ника появилось подозрение, что все это вовсе не связано с мальчишником. Как только он начал обдумывать варианты поспешного побега, они подошли к паре раздвижных дверей, охраняемых двумя высокими палубными матросами³⁴. Те открыли двери, ведущие в обеденную зону. В конце палубы, в белом пиджаке, белых джодпурах и песочных сапогах для верховой езды от «Фрателли Фаббри», бездельничала не кто-нибудь, а Жаклин Лин.

– Ой, Ники, как раз успел на суфле! – воскликнула она.

³⁴ Тоже блондинами – скорее всего, шведами. – *Примеч. автора.*

Ник подошел к старой подруге семьи, чувствуя себя одинаково удивленным и раздраженным. Надо было раньше догадаться, что вся эта скандинавская ерунда как-то связана с Жаклин, которая давно сожительствовала с норвежским миллиардером Виктором Норманном.

– Из чего суфле? – беспечно спросил Ник, садясь напротив легендарной красавицы, которую на страницах светской хроники называли китайской Катрин Денев.

– Вроде из капусты браунколь с сыром эмменталь. Тебе не кажется, что вокруг этой капусты возник слишком большой ажиотаж? Я хочу знать, кто занимался пиаром в этой отрасли, – они действительно заслужили награду. Ты не удивился, увидев меня?

– Вообще-то, я расстроен. В какой-то момент я подумал, что меня похитили и везут сниматься в фильме про Джеймса Бонда. В массовке, конечно.

– Тебе не понравилось знакомство с Аланной и Метте Марит? Я знала, что ты не придешь, если я просто позвоню и приглашу на обед.

– Понравилось. Тем не менее для знакомства я предпочел бы другое время. Надеюсь, вы найдете мне новую работу, когда меня уволят из университета за то, что я бросил студентов в середине лекции.

– Ой, ну не будь таким занудой! Ты даже не представляешь, как тяжело было найти место, чтобы пришвартовать этого монстра. Я-то думала, что Нью-Йорк – город мирово-

го уровня, но известно ли тебе, что здешняя самая большая гавань может принимать только яхточки до ста восьмидесяти футов? Ну и где парковать нашу малышку, скажи на милость?

– Да, у вас прямо настоящий зверь. «Люрссен», я полагаю?

– Вообще-то, «Финкантьери». Виктор не хотел, чтобы яхту строили где-то рядом с Норвегией, где надоедливые журналисты внимательно следят за каждым его шагом, поэтому он выбрал итальянскую верфь. Конечно, Эспен³⁵ спроектировал эту яхту, как и все остальные наши суда.

– Тетя Жаклин, я не думаю, что вы вызвали меня сюда, чтобы беседовать о судостроении. Почему бы не поговорить начистоту? – спросил Ник, отрывая горбушку еще теплого багета и обмакивая в суфле.

– Ники, сколько раз я просила не называть меня тетей! Ты заставляешь меня чувствовать, что я вышла в тираж! – проворчала Жаклин, разыгрывая ужас, и смахнула блестящую черную прядь за плечо.

– Жаклин, ну сколько можно повторять, что вам не дашь больше сорока, – сказал Ник.

– Тридцати девяти, Ники.

– Хорошо, тридцать девяти, – улыбнулся он.

³⁵ Она, естественно, имеет в виду Эспена Ойно, одного из ведущих мировых военно-морских архитекторов, который спроектировал суперяхты для таких богачей, как Пол Аллен, эмир Катара и султан Омана. – *Примеч. автора.*

Приходилось признать, что, даже когда Жаклин сидела напротив под ярким солнечным светом, почти без косметики, она все еще выглядела потрясающе. Она и правда была одной из самых привлекательных женщин, которых он когда-либо знал.

– Ох, та прекрасная улыбка! Блеснула хоть на миг! А то я уже испугалась, что ты становишься угрюмым. Только не это, Ники, это просто фу. Мой сын Тедди всегда смотрит на всех мрачным, надменным взглядом. Эх, не надо было отправлять его в Итон.

– Думаю, Итон тут ни при чем, – предположил Ник.

– Может, ты и прав. Он унаследовал снобистские рецессивные гены Лимов со стороны покойного мужа. Пожалуй, ты должен узнать, что весь Сингапур говорил о тебе в Новый год.

– Я очень сомневаюсь, что прямо-таки весь Сингапур говорил обо мне, Жаклин. Я не живу там более десяти лет и мало кого знаю.

– Ты же знаешь, о чем я. Надеюсь, ты не возражаешь, если я скажу честно. Я всегда тебя любила, и мне грустно, что ты совершаешь ошибку.

– Какую именно ошибку?

– Женишься на Рейчел Чу.

Ник закатил глаза:

– Я действительно не хочу углубляться в обсуждение этого вопроса. Это было бы пустой тратой вашего времени.

Не обращая на него внимания, Жаклин продолжила:

– Я видела твою бабушку на прошлой неделе. Она пригласила меня к себе, и мы пили чай на ее веранде. Она очень огорчена вашей размолвкой, но все еще хочет простить тебя.

– Простить меня? О, как щедро!

– Я так понимаю, ты не хочешь встать на ее сторону.

– Дело не в том, хочу я или нет. Я вообще в толк не возьму, почему существует какая-то другая сторона. Почему бабушка просто не может за меня порадоваться и позволить мне самому решить, с кем провести всю оставшуюся жизнь?

– Дело не в доверии.

– А в чем тогда?

– В уважении, Ник. Бабушка тебя любит, она всегда действовала в твоих интересах. Она знает, что для тебя лучше, и просит всего-навсего уважать ее желания.

– Я всегда уважал свою бабушку, но, к сожалению, не могу уважать ее снобизм. Я не собираюсь сдаваться и жениться на представительнице одной из пяти семей в Азии, которые она сочтет приемлемыми.

Жаклин вздохнула и медленно покачала головой:

– Ты многого не знаешь о своей бабушке, о своей семье.

– Ну и почему же вы не поделитесь? Давайте не будем держать это в тайне.

– Слушай, я могу рассказать очень многое. Но скажу следующее: если ты решишь устроить свадьбу в следующем месяце, могу заверить, твоя бабушка примет необходимые ме-

ры.

– Какие меры? Вычеркнет меня из завещания? А я-то думал, что она уже сделала это, – усмехнулся Ник.

– Прости, если мои слова звучат нравоучительно, но высокомерие, свойственное молодежи, сбilo тебя с толку. Ворота Тайерсаль-парка навсегда закроются для тебя, но ты, видимо, не понимаешь, насколько это серьезно.

Ник засмеялся:

– Жаклин, вы говорите как героиня романа Тrolлопа!

– Смейся сколько хочешь, но ты довольно безрассуден. С юных лет ты уверен, что все кругом тебе должны, так тебя воспитали, – и теперь позволяешь этому чувству превосходства влиять на твои решения. Ты хоть понимаешь, что значит быть отрезанным от своего состояния?

– Справляюсь как-то.

Жаклин одарила Ника снисходительной улыбкой:

– Я не про двадцать или тридцать миллионов, которые оставил тебе дедушка. Это гроши. В наши дни за такие деньги даже дом подходящий в Сингапуре не купишь. Я о твоём настоящем наследстве. О Тайерсаль-парке. Готов потерять имение?

– Тайерсаль-парк достанется отцу и однажды перейдет ко мне, – сухо сказал Ник.

– Позволь поделиться с тобой новостями. Твой папа давно оставил надежду унаследовать имение.

– Это просто сплетня.

– А вот и нет. Это факт, и, кроме адвокатов твоей бабушки и твоего двоюродного деда Альфреда, я, наверное, единственный человек на планете, который знает это.

Ник недоверчиво покачал головой.

Жаклин вздохнула:

– Думаешь, что все знаешь. А тебе известно, что я была рядом с бабушкой в тот день, когда твой отец объявил о своей иммиграции в Австралию? Нет, потому что ты тогда учился в пансионе. Твоя бабушка жутко разозлилась на твоего отца, а потом сердце ее было разбито. Только представь, женщина ее поколения, вдова, страдающая и негодующая... Я помню, она кричала мне: «Какой смысл в этом доме, битком набитом всякой ерундой, когда единственный сын бросает меня?» Именно тогда она решила изменить свое завещание и переписать дом на твое имя. Она вычеркнула твоего отца из завещания и возложила на тебя все свои надежды.

Ник не мог скрыть удивления. В течение многих лет его родственники строили предположения насчет завещания бабушки, но подобного поворота событий он никак не ожидал.

– Конечно, твои недавние действия подорвали эти планы. У меня есть все основания полагать, что твоя бабушка готовится снова изменить завещание. Как ты будешь себя чувствовать, если имение отойдет к кому-то из двоюродных братьев-сестер?

– Если к Астрид, я буду счастлив за нее.

– Ну, ты же знаешь свою бабушку, она захочет, чтобы дом

перешел к одному из мальчиков. Она не отдаст его никому из Леонгов, потому что знает: у них и так слишком много собственности, – но вполне может отписать его одному из ваших тайских кузенов. Или кому-то из Чэнов. Как бы ты себя чувствовал, если бы Эдди Чэн стал лордом и хозяином Тайерсаль-парка?

Ник с тревогой взглянул на Жаклин. Та помолчала минуту, взвешивая слова, которые собиралась произнести.

– Ты знаешь что-нибудь о моей семье, Ники?

– В смысле? Ваш дедушка – Лин Иньчао.

– В девятисотых годах мой дед был самым богатым человеком в Юго-Восточной Азии, его все уважали. Дедушкин особняк на горе София был больше, чем Тайерсаль-парк, и я родилась в этом доме, а росла в такой роскоши, какой сегодня и не увидишь.

– Погодите минутку... вы ведь не хотите сказать, что ваша семья потеряла все состояние.

– Разумеется, нет. Но у дедушки было слишком много жен и слишком много детей, поэтому состояние было раздроблено и поделено между наследниками. В совокупности мы по-прежнему занимаем высокое место в списке «Форбс», но слишком много людей едят из одного котла. К тому же я – женщина. Мой дедушка был старомодным человеком из Сямыня, а такие, как он, считали, что девочкам нужно не наследство, а удачное замужество. Перед смертью он положил все свои активы в семейный фонд, указав, что только муж-

чины, родившиеся под фамилией Лин, могут получить проценты. Я ожидала, что удачно выйду замуж, так и получилось, но потом муж умер молодым, а я осталась с двумя маленькими детьми на руках и жалкой кучкой денег. Знаешь, каково это – вращаться среди самых богатых людей в мире и чувствовать, что у тебя нет ничего по сравнению с ними? Прислушайся ко мне, Ники, ты ведь понятия не имеешь, как тяжело сознавать, что у тебя было все, а потом ты все потерял!

– Ну, не скажу, чтоб вы очень страдали. – Ник повел рукой вокруг.

– Правда. Мне удастся придерживаться определенных стандартов, но все далеко не так просто, как тебе кажется.

– Я ценю вашу откровенность, но разница между вами и мной заключается в том, что мне не нужно многого. Мне ни к чему яхта, самолет или огромное поместье. Я провел половину своей жизни в домах, которые казались слишком большими, и теперь мне приятно жить так, как я живу в Нью-Йорке. Я полностью доволен своей жизнью, такой, какая она есть.

– Думаю, ты меня неверно понял. Как бы выразиться более доходчиво? – Жаклин поджала губы и пару минут изучала свой идеальный маникюр, словно подбирая слова. – Знаешь, я выросла, думая, что являюсь неотъемлемой частью определенного мира. Моя личность будто исчерпывалась принадлежностью к своей семье: я – Лин. Но вот я вы-

шла замуж и узнала, что меня больше не считают Лин. Ну, не в прямом смысле. Все мои братья, сводные братья и идиоты-кузены мужского пола унаследуют сотни миллионов от трастового фонда, но я не получу ни цента. А потом я поняла, что на меня больше всего повлияла не потеря денег, а потеря привилегии. Тяжело вдруг осознать, что ты не важен даже своей семье. Если ты решишься на этот брак, то почувствуешь – обещаю! – сейсмический сдвиг. Можешь сколько угодно распускать передо мной хвост, но поверь мне: когда у тебя все отнимут, это станет настоящим ударом. Двери, которые были открыты для тебя всю жизнь, внезапно закроются, потому что в глазах каждого ты без Тайерсаль-парка – пустое место. И я бы не хотела, чтобы это произошло. Ты законный наследник. Сколько стоит эта земля сегодня? Шестьдесят самых престижных акров в центре Сингапура... Это все равно что владеть Центральным парком в Нью-Йорке. Я даже не могу оценить стоимость имения. Если бы только Рейчел знала, от чего ты отказываешься...

– Но мне определенно ничего этого не нужно, если я не смогу прожить жизнь с ней, – твердо заявил Ник.

– А кто сказал, что вы не можете быть вместе? Почему нельзя и дальше жить как жили? Просто не женись на ней прямо сейчас. Не бросай оскорбление в лицо бабушке. Отправляйся домой и помирись с ней. Ей уже за девяносто, сколько еще осталось? После ее ухода сможешь делать все, что захочешь.

Ник обдумал ее слова в тишине. В дверь тихо постучали, и вошел стюард с подносом кофе и десертами.

– Спасибо, Свен. Теперь, Ник, попробуй-ка этот шоколадный торт. Я думаю, тебе он покажется довольно интересным.

Ник откусил кусочек и сразу узнал вкус воздушного шоколадного торта, который готовила кухарка в доме его бабушки.

– Как вам удалось выпытать рецепт у А-Цин? – удивился он.

– Я не выпытывала. После обеда с твоей бабушкой на прошлой неделе я потихоньку спрятала кусочек в сумочку и доставила его прямо к Мариусу, гениальному шеф-повару, который работает у нас на борту. Мариус три дня проводил экспертизу, и примерно с двадцатой попытки получилось как надо, правда?

– Идеально.

– А теперь представь, что ты больше никогда не отведаешь этот шоколадный торт.

– Ну, придется ждать приглашения на вашу яхту.

– Это не моя яхта, Ники. Здесь нет ничего моего. И не думай, что мне не напоминают об этом каждый день моей жизни.

Белмонт-роуд

Сингапур, 1 марта 2013 года

Человек с автоматом постучал по тонированному стеклу «бентли-арнаж» Кэрол Тай.

– Опустите стекло, пожалуйста, – сухо сказал он.

Когда стекло опустилось, мужчина заглянул внутрь, внимательно осматривая Кэрол и Элинор Янг, сидевших на задних сиденьях.

– Ваши приглашения, пожалуйста, – буркнул он, протягивая в окно руку в кевларовой перчатке.

Кэрол передала гравированные металлические карточки.

– Пожалуйста, откройте заранее сумки и приготовьтесь к осмотру, когда дойдете до входа, – проинструктировал охранник, сделав знак шоферу Кэрол, чтобы тот продолжил путь.

Они проехали через контрольно-пропускной пункт и оказались в очереди за другими модными седанами, пытавшимися пробиться к дому с красной лакированной входной дверью на Белмонт-роуд.

– Ай-я, если бы я знала, что будет столько проблем, я бы не поехала, – посетовала Кэрол.

– Да, вряд ли это стоит головной боли. Раньше такого не

было, – проворчала Элино́р, рассматривая пробку и вспоминая, как раньше проходили «ювелирные чаепития» у миссис Сингх.

Гаятри Сингх, младшая дочь махараджи, владела одной из легендарных сингапурских ювелирных коллекций, которая, как утверждали, соперничала с коллекциями миссис Ли Юнчэн и Шан Суи. Каждый год Гаятри возвращалась из ежегодной поездки в Индию с целой сумкой семейных реликвий, увезенных от стареющей матери, и с начала 1960-х годов начала приглашать своих дорогих подруг – представительниц элитных семей Сингапура – на чай, чтобы «отпраздновать» ее последние безделушки.

– Раньше, когда миссис Сингх сама руководила процессом, все было непринужденно. Просто компания прекрасных дам в красивых сари сидела в гостиной. Все по очереди наглаживали драгоценности миссис Сингх, сплетничая и поглощая индийские сладости, – вспоминала Элино́р.

Кэрол внимательно изучила длинную очередь желающих попасть внутрь.

– Теперь непринужденностью и не пахнет. Аламак, кто все эти женщины? Они одеты, будто на коктейльную вечеринку!

– Это все новые люди. Какие-то дамочки из сингапурского общества, о которых никто никогда не слышал, в основном чиндосы³⁶, – фыркнула Элино́р.

С тех пор как миссис Сингх потеряла интерес к подсчету

³⁶ Безумно богатые китайцы + Индонезия = чиндосы. – *Примеч. автора.*

каратов и начала проводить больше времени в Индии, изучая ведические писания, ее невестка Сарита – в детстве снимавшаяся в фильмах Болливуда – занялась этим делом, и чаепития-девичники эволюционировали в благотворительную выставку с целью сбора средств на очередной проект Сариты. Событие освещали во всех глянцевого журналов, и каждый, кто мог заплатить непомерную плату за вход, имел возможность пройти через элегантное модернистское бунгало Сингхов и посмотреть на ювелирные изделия, которые в настоящее время собираются под специальную тематическую выставку.

В этом году здесь выставлялись работы норвежки Тоне Вигеланд – известного мастера по серебру. Лорена Лим, Надин Шоу и Дейзи Фу вглядывались в стеклянные витрины в «галерее», переоборудованной из комнаты для настольного тенниса. Надин не могла сдержать разочарования:

– Аламак, кому интересно любоваться на все это скандинавское дерьмо? Я думала, нам покажут драгоценности миссис Сингх.

– Тихо, вон та рыжеволосая³⁷ баба – куратор выставки. По-видимому, какая-то важная птица из Музея дизайна Остина Купера в Нью-Йорке, – предупредила Лорена.

– Ай-я, мне все равно, пусть она хоть сам Андерсон Ку-

³⁷ Используется для обозначения иностранцев, хотя большинство иностранцев вовсе не рыжие – *Примеч. автора.*

пер!³⁸ Кто хочет заплатить пятьсот долларов за билет, чтобы увидеть украшения из ржавых гвоздей? Я пришла посмотреть на рубины размером с рамбутаны!

– В словах Надин есть смысл. Это были бы выброшенные деньги, если бы мы не получили билеты бесплатно от моего банкира из ОСВС, – сказала Дейзи.

В этот момент Элинор вошла в галерею, щурясь от яркого света, и немедленно надела солнцезащитные очки.

– Элинор! – удивилась Лорена. – Вот уж не знала, что ты ходишь на такие мероприятия!

– Я не планировала, но Кэрол получила билеты от ее банкира из УОВ и убедила меня поехать. Ей нужно взбодриться.

– Где она?

– В туалете, конечно. Ты же знаешь, у нее слабый мочевой пузырь.

– Что ж, здесь нет ничего, что могло бы ее подбодрить, если только она не захочет увидеть украшения, от которых можно заработать столбняк, – сообщила Дейзи.

– Я говорила Кэрол, что это пустая трата времени! Сарита Сингх желает одного: произвести впечатление на своих помпезных друзей-иностранцев. Три года назад она пригласила меня, Фелисити и Астрид, тогда выставка была посвящена викторианским траурным украшениям. Ничего, кроме черного агата и брошей, сделанных из волос покойников. Брр! Только Астрид могла оценить это.

³⁸ *Андерсон Купер* – американский журналист, писатель и телеведущий.

– Позволь сказать, что́ я оценила прямо сейчас – твою новую сумку «Биркин»! Вот уж не думала, что ты такую в руки возьмешь. Разве ты не говорила, что подобные сумки носят только чокнутые китайянки с материка? – спросила Надин.

– Забавно, что ты так говоришь, – это подарок от Бао Шаоянь.

– Вот свезло! – воскликнула Дейзи на южноминьском диалекте. – Я ж тебе говорила, у этих Бао денег куры не клюют.

– Ты была права, у них куча денег. Боже мой, посмотрела я, как они провели тут последние несколько месяцев! Надин, если ты считаешь Франческу транжирой, ты должна увидеть, как сорит деньгами этот Карлтон. Я никогда в жизни не видела мальчика, который был бы настолько одержим машинами! Его мать поклялась, что никогда не позволит ему сесть за руль спортивной машины, но каждый раз, когда я приезжаю туда, в высотном гараже появляется какое-то новое экзотическое авто. Очевидно, он покупает машины и отправляет их обратно в Китай. Якобы получает большую прибыль, перепродавая их своим друзьям.

– Похоже, парнишка пошел на поправку! – сказала Лорена.

– Да, костыли ему больше не нужны. Кстати, если ты рассматривала его в качестве парня для своей Тиффани, то увы и ах. У него уже есть подружка. Модель или что-то такое. Живет в Шанхае, но прилетает к нему каждую неделю.

– Карлтон такой красивый и обаятельный, там наверняка

выстроилась целая очередь из девчонок, желающих его захомутать, – сказала Надин.

– Он, может, и очаровашка, но теперь я понимаю, почему Шаоянь теряет сон из-за своего сына. Она призналась мне, что последние несколько месяцев были самым спокойным временем за долгие годы. Она боится, что, как только Карлтон снова встанет на ноги и вернется в Китай, им будет невозможно управлять.

Понизив голос, Лорена спросила:

– Кстати, о Китае: ты встретила с мистером Вонгом?

– Конечно. Ай-я, мистер Вонг так располнел, я думаю, что частный сыск – очень прибыльное дело.

– Все нормально. Читала досье?

– А то! Ты не поверишь, что я нарыла о Бао, – произнесла Элино́р с легкой улыбкой.

– Что же? – Лорена подалась вперед.

В этот момент Кэрол вошла в галерею и направилась напрямиком к Лорен и Элино́р:

– Аламак, была такая длинная очередь в туалет! Ну, как выставка?

Дейзи взяла ее под локоток и сказала:

– Я думаю, ты куда больше интересного увидела в джамбуне³⁹, чем на этой выставке. Может, еда будет лучше. Надеюсь, у них есть пряные самосы.

Когда подружки спустились по коридору к столовой, из ка-

³⁹ Туалет по-малайски.

кой-то комнаты выплыла женщина с белоснежными волосами, одетая в простое сари цвета слоновой кости, и увидела их.

– Элинор Янг, ты так загадочно выглядишь в этих солнцезащитных очках! – произнесла индианка жизнерадостным голосом.

Элинор сняла очки.

– Ах, миссис Сингх! Я не знала, что вы в городе!

– Да-да. Я просто прячусь от толпы. Скажи мне, как Суи? Я скучала по ее вечеринке Чап Го Мех⁴⁰.

– С ней все хорошо.

– Вот и чудно. Я собиралась нанести ей визит, с тех пор как вернулась из Куч-Бихара, но в этот раз очень сильно страдаю от смены часовых поясов. А как Ники? Он приехал на Новый год?

– Нет, не приедет в этом году. – Элинор выдавила улыбку. Миссис Сингх внимательно посмотрела на нее:

– Ну, я уверена, что он вернется в следующем.

– Разумеется, – сказала Элинор и представила дам хозяйке.

Миссис Сингх любезно кивнула каждой гостье и спроси-

⁴⁰ В переводе с южноиндийского «пятнадцатая ночь», отмечается в пятнадцатый день первого лунного месяца в ознаменование официального окончания празднования Нового года. Этим вечером одинокие женщины кидают апельсины в отражение луны в реке в надежде найти хороших мужей, в то время как все остальные в Сингапуре начинают планировать свои диеты после новогоднего обжорства. – *Примеч. автора.*

ла:

– Скажите, вам нравится выставка моей невестки?

– Это очень интересно, – аккуратно сформулировала Дейзи.

– Если честно, я бы предпочла, чтобы вы показывали свои украшения, – отважилась признаться Элинор.

– Тогда пошли. – Миссис Сингх блеснула озорной улыбкой.

Она повела женщин вверх по лестнице и дальше по другому коридору, где на стенах висели портреты эпохи Великих Моголов – индийские монаршие особы в старинных позолоченных рамах. Вскоре дамы скользнули через богато украшенный дверной проем, инкрустированный бирюзой и перламутром и охраняемый парой индийских полицейских.

– Только не говорите Сарите, но я решила устроить свою маленькую вечеринку. – Она распахнула двери.

Внутри была отдельная гостиная миссис Сингх – просторное помещение, выходящее на роскошную веранду, где росли лаймы. Дворецкий раздавал дымящиеся чашки с чаем, в то время как музыкант в углу исполнял ненавязчивую мелодию на ситаре. Несколько дам в радужных сари растянулись на темно-фиолетовых диванах, откусывая кусочки от сладких ладу⁴¹, другие сидели скрестив ноги на кашмирском шелковом ковре, любуясь рядами драгоценных камней, раз-

⁴¹ *Ладу* – индийские сласти из нутовой муки, обжаренной на сковороде с топленным маслом.

ложенных на больших зеленых бархатных подносах прямо на полу. Это напоминало пижамную вечеринку в хранилище Гарри Уинстона⁴².

Дейзи и Надин разинули рот, и даже Лорена, чья семья владела международной сетью ювелирных салонов, не могла не поразиться разнообразию и великолепию изделий. Перед ними лежали сокровища, стоившие сотни миллионов.

Миссис Сингх в облаке шуршащего шифона ворвалась в комнату.

– Входите, дамы. Не церемоньтесь и, пожалуйста, не стесняйтесь примерить что-нибудь.

– Вы серьезно? – взвизгнула Надин, ее пульс зашкаливал.

– Да-да. В том, что касается драгоценных камней, я разделяю идеи Элизабет Тейлор: драгоценные камни следует носить и пользоваться ими, а не смотреть, как они лежат на витрине.

Прежде чем миссис Сингх успела договорить, Надин инстинктивно схватила одно из самых больших выставленных украшений – ожерелье, состоящее из двенадцати нитей огромного жемчуга и бриллиантов.

– Боже мой, и это все одно ожерелье!

– Да, это странное украшение. Хотите верьте, хотите нет, но в ювелирном доме «Гаррард» сделали это для моего дедушки на юбилей королевы Виктории, и, поскольку дед весил более трехсот фунтов, нити красиво покрывали весь его

⁴² Гарри Уинстон – прославленный американский ювелир.

живот. Но как можно надевать такие украшения на публике в наши дни? – рассказывала миссис Сингх, изо всех сил пытаюсь застегнуть огромную барочную застёжку на шее Надин.

– Вот и я о том! – взволнованно произнесла Надин.

В уголке ее рта образовался пузырек слюны, пока она изучала свое отражение в зеркале в полный рост. На ней от шеи до пояса сияли бриллианты и жемчуга.

– Спина заболит, если носить ожерелье более пятнадцати минут, – предупредила миссис Сингх.

– О, это того стоит! Это того стоит! – И Надин, задыхаясь, примерила браслет-манжету из рубинов-кабошонов.

– Вот теперь мне нравится, – промурлыкала Дейзи, выбирая изысканную брошь в форме павлиньего пера, инкрустированную ляпис-лазурью, изумрудами и сапфирами, которые идеально соответствовали естественным оттенкам оперения павлина.

Миссис Сингх улыбнулась:

– Это от моей дорогой мамы. Картье создал это украшение для нее в начале двадцатых годов. Я помню, она носила его в волосах!

Две служанки вошли с чашами свежеприготовленного гулаб джамуна⁴³, и дамы начали наслаждаться греховно-сладким угощением в уголке гостиной. Кэрол прикончила свой десерт в два счета и довольно задумчиво уставилась в пустую

⁴³ Молочные клецки, обжаренные во фритюре и пропитанные сладким розовым сиропом. – *Примеч. автора.*

серебряную миску.

– Я думала, это меня развеселит, но, наверное, стоило бы отправиться в церковь.

– Что такое, Кэрол? – участливо поинтересовалась Лорена.

– Угадай. Это все мой сынуля. После смерти дато я Бернарда почти не вижу и не слышу. Словно меня не существует. Я видела внучку всего два раза. Впервые – в клинике «Гленнигс», а потом – на похоронах дато. Теперь Бернард даже не отвечает на мои звонки. Горничные уверяют, что он все еще в Макао, но его жена каждый день куда-то шастает. Дочке и трех нет, а она уже забила на ребенка! Каждую неделю я открываю газету и вижу новости: она то веселится на какой-нибудь вечеринке, то обновки покупает. Вы слышали о картине, которую она купила почти за двести миллионов?

Дейзи сочувственно посмотрела на подругу:

– Ай-я, Кэрол, я научилась за эти годы не слушать истории о расходах моих детей. Мне плевать! В определенный момент нужно отпустить вожжи: пусть делают что хотят. В конце концов, они могут себе позволить некоторые траты.

– В том-то и дело, что не могут. Откуда у них такие деньги?

– Разве Бернард не получил бизнес после смерти дато? – спросила Надин.

История Кэрол внезапно заинтересовала ее сильнее, чем

сотуар⁴⁴ с алмазами коньячного цвета, который она поднесла к свету.

– Конечно нет. Думаете, мой муж был настолько глуп, чтобы отдать все Бернарду, пока я еще жива? Он же понимал, что мальчик продаст мой дом при первой возможности, а меня выставит на улицу! Когда Бернард сбежал с Китти в Лас-Вегас, чтобы пожениться, дато пришел в ярость. Он запретил кому-либо в офисе давать Бернарду доступ к деньгам и полностью заблокировал его трастовый фонд. У него остался только годовой доход.

– И как же они покупают подобные картины? – поинтересовалась Лорена.

– Наверное, благодаря овердрафту. Банкиры понимают, сколько Бернард получит денег в один прекрасный день, и с радостью одалживают ему, – предположила Элинора.

Она возилась с индийским кинжалом, усыпанным драгоценностями.

– Ай-я, так стыдно! Я не могу представить, чтобы моему сыну приходилось занимать деньги в банке! – простонала Кэрол.

– Ну, если, по твоим словам, у него сейчас нет денег, могу заверить, что именно это он и должен делать. Так поступал один из двоюродных братьев Филипа. Он жил на широкую ногу, как султан Брунея, и только когда отец умер, выясни-

⁴⁴ *Сотуар* – женское украшение в виде удлиненного ожерелья с подвешенным кулоном.

лось, что он заложил дом и все имущество, чтобы поддержать свой образ жизни и двух своих любовниц – одну в Гонконге и одну в Тайбэе! – добила ее Элино́р.

– У Берна́рда ничего нет. Он получает всего десять миллионов в год, чтобы хватило на жизнь, – подтвердила Кэро́л.

– Ну, тогда он одалживает огромные суммы, поскольку эта Китти швыряет деньгами, как безумная, – сказала Дейзи. – Что там у тебя такое, Элино́р?

– Какой-то необычный индийский кинжал, – ответила та. Это были фактически два кинжала, которые входили в противоположные стороны ножен, инкрустированных разноцветными драгоценными камнями, и она открыла защелку на одном конце, рассеянно выдвигая и задвигая лезвие. Поискав глазами хозяйку, Элино́р попросила:

– Мисси́с Сингх, расскажите мне об этом прекрасном оружии.

Гая́три, которая сидела в углу соседнего дивана и разговаривала с другой гостьей, быстро оглянулась:

– О, это не оружие. Это очень древняя индуистская реликвия. Будь осторожна, не открывай его, Элино́р, это дурной знак! На самом деле не стоит прикасаться к нему. Внутри заточен в плен злой дух, его удерживают на месте два лезвия, и великое несчастье постигнет твоего первенца, если ты выпустишь духа на волю. Мы ведь не хотим, чтобы что-нибудь случилось с дорогим Ники? Поэтому, пожалуйста, оставь эту штуковину в покое.

Дамы в ужасе уставились на нее, а Элинор потеряла дар речи, чего с ней почти никогда не случалось.

8

Бриллиантовый зал, отель «Риц-Карлтон»

Гонконг, 7 марта 2013 года

Светская хроника журнала «Пиннакл»

Леонардо Лай

Прошлым вечером множество звезд зажглось на Пятнадцатом ежегодном балу фонда Мин. Это событие – доказательство любви к Конни Мин, первой жене второго богатейшего человека Гонконга Мин Кацина, и билеты стоимостью двадцать пять тысяч гонконгских долларов за место разлетелись молниеносно, когда стало известно, что бал посетит герцогиня Оксбриджская, двоюродная сестра ее величества королевы Елизаветы II, а Четыре Небесных Короля⁴⁵ воссоединятся, дабы почтить легендарную певицу Трейси Хуан, получившую в этом году награду

⁴⁵ Четыре звезды кантопопа 1990-х – Джеки Чунг (кит. имя Чжан Сюэй), Аарон Квок (Го Фучэн), Леон Лай (Ли Мин) и Энди Лау (Лю Дэхуа), которые возглавляли азиатские музыкальные чарты, собирали целые стадионы и поспособствовали тому, чтобы для азиатов-мачо стало приемлемо наносить гель на волосы и надевать блестящие пиджаки. – *Примеч. автора.*

«Пиннакл».

Для этого празднества была выбрана тема «Николай и Александра» (романтическая, но несчастливая русская царская чета), и не могло быть более идеальной обстановки, чем Бриллиантовый бальный зал в «Риц-Карлтоне» на третьем этаже самого высокого здания в Гонконге. Взору гостей предстал зал, превратившийся в «зимний Петербург»: с потолка свисало множество хрустальных сосулек из кристаллов Сваровски, кругом стояли березки, покрытые «снегом», а в центре каждого стола красовалось ювелирное яйцо Фаберже. Оскар Лян, «анфан террибль» кантонской кухни фьюжн, превзошел самого себя, приготовив необычную сочную свинину по-екатеринбургски – был подан поросенок с трюфелями, пробитый «пулями» из сусального золота, предварительно выдержанный в холодном погребе, а затем зажаренный на огне над кофейной гущей.

В этой сказочной обстановке именитые жители Гонконга вытащили из своих сокровищниц самые крупные драгоценные камни. Хозяйка вечера Конни Мин надела канареечные бриллианты на баснословную сумму и необычное, расшитое бисером черно-белое платье без бретелек от Оскара де ла Рента. Ада Пун выбрала знаменитые рубины «Пун», великолепно сочетающиеся с ее розовым шифоновым платьем от Эли Сааба, а самая яркая звезда Китая Пань Тинтин заставила толпу ахнуть от восторга, появившись в тончайшем платье с завышенной талией, которое когда-то надевала Одри Хепбёрн в фильме «Война и мир».

Братья Кай затеяли драку (снова), кроме того, пришлось стремительно разрешить конфликт, когда миссис Лун оказалась по ошибке за столом, где сидели дети из второй семьи покойного мужа (судебный процесс по разделу поместья возобновится позднее в этом месяце). Но все неприятности забылись, когда Трейси Хуан въехала в зал на оленьих санях, запряженных восемью юношами-моделями в казачьей форме на голое тело. Трейси, в корсете из белого меха и кожи от Александра Маккуина, очаровала публику, исполнив три песни на бис в сопровождении Четырех Небесных Королей, которые на этот раз действительно пели без фонограммы.

Также награды «Бизнесмен года» удостоился Майкл Тео, до абсурда фотогеничный титан высоких технологий. О его стремительном взлете сегодня много говорят. После того как цена на акции его крошечной компании по разработке программного обеспечения взлетела два года назад выше горы Фудзи, Майкл открыл собственную инвестиционную компанию и заработал тьму-тьмущую денег, запустив ряд успешных цифровых стартапов в Азии, таких как «Гун Сими» – приложение для обмена сообщениями на синглише⁴⁶. Самый главный вопрос, который мучает лично меня: где Майкл прятал свою прекрасную жену-сингапурку все это время? Астор Тео, с ее большими невинными глазами, выглядела совершенно восхитительно в тонком черном кружевном платье

⁴⁶ *Синглиш* – сингапурский английский диалект.

(винтажный наряд от сестер Фонтана), хотя, на мой взгляд, ее бриллиантово-аквамариновым серьгам не хватало блеска. (Учитывая, сколько заработал за последнее время ее супруг, пора бы ему обновить ее драгоценности!)

Сэра Фрэнсиса Пуна, награжденного премией «Лучший филантроп», ждал самый большой сюрприз вечера. Миссис Бернард Тай (бывшая звезда мыльных опер Китти Понг), преисполнившись чувств при просмотре трогательного слайд-шоу сэра Фрэнсиса о медицинских спасательных миссиях, бросилась на сцену и шокировала толпу, объявив о пожертвовании фонду в размере двадцати миллионов долларов! На миссис Тай было алое платье от Го Пэй, украшенное изумрудами, по виду стоимостью в миллиард долларов, со шлейфом длиной шесть футов из перьев павлина. Но, похоже, ей не нужны перья, чтобы взлететь до новых социальных высот.

Астрид устроилась в клубном кресле зала «СильверКрис лаундж» в международном аэропорту Гонконга, ожидая посадки на рейс до Лос-Анджелеса. Она достала свой айпад, чтобы в последний раз перед полетом проверить электронную почту, и тут на экране выскочило мгновенное сообщение.

Чарли У: *Было приятно увидеть тебя вчера вечером!*

Астрид Леонг-Тео: *Взаимно!*

Чарли: *Что делаешь сегодня? Пообедаем?*

Астрид: *Я уже в аэропорту.*

Чарли: *Какая короткая поездка!*

Астрид: *Да, поэтому я и не позвонила заранее. Это была короткая остановка по пути в ЛА.*

Чарли: *Твой муж покупает очередную компанию в Силиконовой долине на этой неделе?*

Астрид: *Не, муж уже в Сингапуре. Лечу на свадьбу к Ники в Монтесито. (Тсс! Это секрет, никто из родных не знает, кроме двоюродного брата Алистера, он летит вместе со мной.)*

Чарли: *То есть Ники наконец женится на девушке, о которой все говорят вот уже пару лет?*

Астрид: *Ага, на Рейчел. Она классная.*

Чарли: *Передавай мои поздравления. А Майкл не едет на свадьбу?*

Астрид: *Было бы слишком подозрительно, если бы мы оба улетели в США вскоре после нашей последней поездки. Кстати, он был рад познакомиться с тобой вчера вечером. Похоже, он твой большой поклонник и не мог поверить, что это я вас знакомлю.*

Чарли: *Он что, не знал, что мы были помолвлены?*

Астрид: *Знал, конечно, просто думаю, у него только в голове щелкнуло. Ты у него ассоциируешься со всей вашей братией технарей, поэтому он не мог вообразить, что мы знаем друг друга. Благодаря тебе мой рейтинг взлетел до небес!*

Чарли: *Он милый парень. Еще раз поздравляю с победой. Он действительно делает правильные шаги в правильном направлении.*

Астрид: *Надо было вчера ему сказать! Почему ты*

был такой тихий?

Чарли: Да?

Астрид: Ты почти все время молчал – казалось, ждал момента, чтобы сбежать.

Чарли: Я пытался ускользнуть от Конни Мин. Она хочет заманить меня на бал следующего года! Кроме того, я не ожидал увидеть тебя там.

Астрид: Но я же должна была поддержать Майкла.

Чарли: Да, но я думал, что ты не ходишь на благотворительные вечера, особенно в Гонконге. Разве в вашей семье нет правила не посещать всякие громкие мероприятия?

Астрид: Правило перестало быть таким строгим, с тех пор как я превратилась в скучную домохозяйку. Когда я была моложе, родители из-за параноидальных соображений безопасности были против того, чтобы мои фото мелькали повсюду. А еще не хотели, чтобы мое имя ассоциировалось с «международным китайским мусором», как назвала его мама.

Чарли: Типа меня!

Астрид: Бугага!

Чарли: Особенно это касается вчерашнего вечера. Там была тьма людей, которых твоя мама не одобрила бы.

Астрид: Все было не так уж плохо.

Чарли: Правда? Я видел, что тебя усадили за стол Ады Пун.

Астрид: Признаюсь, ЭТО было ужасно!

Чарли: Ха-ха-ха!

Астрид: *Ада и ее подружки-тайтай⁴⁷ первый час меня «игнорили».*

Чарли: *Ты сказала им, что ты из Сингапура?*

Астрид: *Биография Майкла была в программе, и все знали, что я его жена. Понимаю, гонконгцы страшно переживают из-за того, что сингапурский аэропорт признан лучшим в мире.*

Чарли: *Ну, по моему мнению, покупки удобнее совершать в нашем аэропорту. Кому нужен бесплатный кинотеатр или сад орхидей, если от «Лозйве» до «Лонгчамп» менее десяти шагов? В любом случае настоящая причина, по которой эти женщины оказали вам такой холодный прием, заключалась в том, что вы не ходили на службу ни в собор Святого Павла, ни в собор Святого Стефана и никакого отношения к епархии не имели. Они просто не знали, какое место отвести вам в собственной иерархии.*

Астрид: *Но есть такая вещь, как обычная вежливость. Мы же, ради всего святого, были*

⁴⁷ Кантонский термин, означающий «главная жена» (подразумевается, что у мужчины несколько жен), но теперь он уже не интерпретируется так строго, поскольку многоженство запрещено в Гонконге с 1971 года. В настоящее время тайтай употребляется по отношению к дамам, обычно занимающим высокое положение в гонконгском обществе. Обязательным условием для того, чтобы считаться тайтай, является брак с богатым человеком, поэтому у тайтай огромное количество свободного времени для обеда, покупок, посещения салонов красоты, сплетен, организации благотворительных сборов в пользу домашних животных, наслаждения послеобеденным чаем, а еще они берут уроки тенниса, составляют расписание репетиторов для своих детей и терроризируют горничных... Впрочем, необязательно в таком порядке. – *Примеч. автора.*

на благотворительном вечере! Эти дамочки пытались превзойти друг друга, хвастаясь огромными штрафами, которые должны были заплатить за незаконно обустроенные подвалы. Такая скучища. Но затем герцогиня произнесла речь, подошла к нашему столу и зашебетала: «Астрид! А я-то не поняла, ты это или нет. Что ты здесь делаешь? Я на следующей неделе обедаю с твоими родителями у Стокера и Аманды. Ты тоже будешь в Чатсуорте?» Этого оказалось достаточно. После этого тайтай пристали ко мне и уже не оставляли меня в покое.

Чарли: Еще бы!

Астрид: Гонконгские женичины поражают меня. По стилю Гонконг действительно отличается от Сингапура. От богатства просто захватывает дух. Я не думаю, что когда-либо видела **СТОЛЬКО** драгоценностей в одном месте сразу. Это напоминает о России времен революции, когда аристократы бежали из страны, зашив все имевшиеся у них драгоценности в подкладку.

Чарли: Да уж, нацепили все, что было. Как тебе все эти тиары?

Астрид: Не думаю, что женищинам вообще стоит носить тиару, если только эта тиара не принадлежала ее семье на протяжении нескольких поколений.

Чарли: Не уверен, читаешь ли ты нашу светскую хронику, но у нас тут есть один придурок по имени Леонардо Лай...

Астрид: Ахахах! Двоюродная сестра Сесилия только что прислала мне статейку.

Чарли: Леонардо, видимо, ПОНЯТИЯ не имеет, кто ты такая, даже имя исковеркал, но он явно обеспокоен, что у тебя недостаточно драгоценностей. Ха!

Астрид: Я так рада, что мое имя неправильно написано! Мама пришла бы в ярость, увидев его в колонке сплетен. Полагаю, Леонардо не впечатлили предметы из настоящей имперской коллекции. Эти серьги раньше принадлежали вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Чарли: Конечно. Я сразу заметил эти серьги! Они были похожи на те, что я мог приобрести для тебя в Лондоне, в том маленьком магазинчике винтажных ювелирных украшений в Берлингтонском пассаже, где ты так любила гулять. На этом балу ты была самой элегантной, вне конкуренции.

Астрид: Ой, ты такой милый. Но куда мне до гонконгских модниц, которые надели специально заказанные платья в стиле Екатерины Великой.

Чарли: Ты всегда одеваешься по собственному выбору и поэтому так прелестно выглядишь. Это касается и Китти Понг, только со знаком минус.

Астрид: Забавно. Вообще-то, она смотрелась просто сказочно. На ней было платье в стиле Жозефины Бейкер.

Чарли: Да она была голая, если не считать перьев и изумрудов.

Астрид: Но наряд сделал свое дело. Хотя украсть

минуту славы у Фрэнсиса Пуна было с ее стороны довольно бессовестно. Я боялась, что у бедного старого Фрэнсиса случится сердечный приступ, когда она бросилась на сцену и выхватила у него микрофон, пока он пытался произнести речь!

Чарли: Аде Пун стоило запрыгнуть на сцену и влепить Китти Понг пощечину, как и положено хорошей третьей жене.

Астрид: На ней были слишком тяжелые драгоценности, чтобы прыгать.

Чарли: Меня больше интересует, что случилось с Бернардом Таем. Почему Китти появляется везде, а его не видно? Он, вообще, жив?

Астрид: Она, вероятно, приковала его где-нибудь с кляпом во рту!

Чарли: Астрид Леонг, ты меня шокируешь!

Астрид: Извини, я слишком много читаю маркиза де Сада в последнее время. Смеею спросить, а где была твоя жена? Познакомлюсь ли я когда-нибудь с легендарной Изабель У?

Чарли: Изабель слишком высокомерна, чтобы посещать подобные мероприятия. Она ходит только на две-три ежегодные вечеринки, которые устраивает старая гвардия.

Астрид: Ха-ха! Старая гвардия! Даже не хочу говорить, что пришло мне в голову.

Чарли: Сэр Фрэнсис Пун?

Астрид: Ты несносный! Ой! Брат машет. Пора садиться в самолет.

Чарли: Почему ты до сих пор летаешь коммерческими рейсами, ума не приложу?

Астрид: Мы Леонги, вот почему. Папа считает, что стыдно летать на частных самолетах, поскольку он «госслужащий». И утверждает, что в большом коммерческом авиалайнере гораздо безопаснее, чем в маленьком.

Чарли: Мне кажется, куда безопаснее в собственном самолете с надежной командой. Добираться вдвое быстрее и меньше страдаешь от джетлага.

Астрид: А я вообще не страдаю от смены часовых поясов, помнишь? Да у нас и нет столько \$\$\$, как у Чарли У.

Чарли: Смешно! Леонги могут купить меня на завтрак. В любом случае желаю тебе хорошего полета!

Астрид: Приятно было поболтать. В следующий раз, когда поедem в Гонконг, обещаю предупредить заранее.

Чарли: ОК.

Астрид: Мы с Майклом пригласим тебя на ужин. В Хатчисон-хаусе есть замечательное место с чаошаньской кухней, о котором постоянно рассказывает двоюродный братец.

Чарли: Нет, нет, нет. Мой город – с меня и ужин.

Астрид: Поспорим позже. Целую!

Чарли вышел из чата и повернул кресло к окну. Из кабинета на пятьдесят пятом этаже «Ураганных башен» открывался потрясающий вид на гавань, и он видел каждый само-

лет, вылетавший в восточном направлении из международного аэропорта Гонконга. Чарли смотрел на горизонт, ища глазами самолет Астрид. «Не стоило писать ей сегодня. Почему я продолжаю себя мучить? Каждый раз, когда я слышу ее голос, каждый раз, когда читаю письма от нее или просто обмениваюсь с ней сообщениями, это настоящая пытка. Я пытался положить этому конец. Пытался оставить ее в покое. Но вот прошло время, и я увидел ее в том зале... Она всплыла в черных кружевах, по контрасту с ними ослепительно сияла обнаженная кожа, и красота Астрид поразила меня».

Наконец Чарли высмотрел скользящий по небу двухэтажный «Эйрбас А-380» с узнаваемой темно-золотой маркировкой и вдруг, повинувшись непонятному импульсу, взял трубку и позвонил в свой частный ангар:

– Джонни, алло? Не могли бы вы подготовить самолет в течение часа? Мне нужно в Лос-Анджелес.

«Я удивлю Астрид, встретив в зале прилета с красными розами, как в наши университетские дни в Лондоне. На этот раз ее будут ждать пятьсот красных роз. Я отвезу ее в „Джелину“ на обед, а потом, может быть, мы сможем взять напрокат машину и поехать в какое-нибудь удивительное место на побережье на несколько дней. Как в старые добрые времена, когда мы на „воланте“ колесили по Франции, объездили всю долину Луары, исследуя древние замки, дегустируя вина. О чем, черт возьми, я думаю? Я женат на Изабель, а Астрид замужем за Майклом. Я наикруглейший идиот на всем белом

свете. На одно мгновение, на короткое время, у меня был шанс вернуть Астрид, когда ее неуверенный муженек чувствовал себя нищевродом, который не может себе позволить такую женщину, как Астрид, но вместо этого я помог ему сколотить состояние. Боже, о чем я думал, когда делал это? И теперь они снова вместе, чертовски счастливы и влюблены друг в друга. А я остался со своей женой, которая ненавидит меня, – несчастный, как черт знает кто».

Лок-клуб

Гонконг, 9 марта 2013 года

Китти Понг поднималась в переполненном лифте, предвкушая приятный обед. В течение многих лет она слышала об этом месте – и вот наконец ей повезло попасть сюда. Расположенный на пятом этаже невнятного офисного здания на Уиндхем-стрит, Лок-клуб считался эксклюзивным ресторанным клубом Гонконга – святая святых! В числе его членов значились сливки гонконгского общества и зарубежной элиты. В отличие от других частных клубов⁴⁸, где известность или толстая чековая книжка мгновенно давали вам членство, Лок играл по своим правилам. В этом месте не было списка ожидания членства – вашу кандидатуру утверждал

⁴⁸ В городе, где люди почти так же одержимы едой, как и статусом, возможно, самый сокровенный секрет – то, что лучшая кухня, вероятно, ждет вас не в ресторанах, отмеченных звездами Мишлен в фешенебельных отелях, а в частных клубах. Эти заведения, предназначенные для узкого круга, являются прибежищем роскоши; они спрятаны на верхних этажах офисных зданий, где одетые с иголки знаменитости собираются, чтобы насладиться трапезой вдали от любопытных глаз папарацци. В этих клубах зачастую имеются списки ожидания для членства, и очереди порой ждут годами. Но избранных портье в лучших отелях можно подкупить, чтобы получить специальное «гостевое членство», при условии, что вы достаточно круты. – *Примеч. автора.*

строгий тайный совет, и даже симулирование мимолетного интереса к этой процедуре могло означать, что вас никогда, никогда не пригласят. В те дни, когда Китти играла второстепенную роль в мыльной опере «Вселенная роскоши», она часто слышала, как Сэмми Хуэй – звезда сериала – хвасталась обедами в Лок-клубе: мол, она сидела в одном зале с королевой Бутана или последней любовницей Лео Мина. Китти не терпелось увидеть, в какой роскошной комнате она будет обедать сегодня и какие важные персоны соберутся за столами вокруг. Неужели все они будут наслаждаться фирменным блюдом – черепаховым супом, который подают в чашках из камфорного дерева?

Китти невероятно повезло на балу фонда Мин: она оказалась за одним столом с Эванджелиной де Айала, очаровательной молодой женой Педро Пауло де Айала, наследника одной из старейших семей на Филиппинах. Хотя супруги совсем недавно перебрались в Гонконг (через Лондон, где Педро Пауло работал на Ротшильдов), их аристократические связи – не говоря уже об аристократически звучащей фамилии – сделали их популярными новыми членами в клубе. Эванджелину, похоже, потрясло огромное пожертвование Китти в фонд сэра Фрэнсиса Пуна, и когда она предложила встретиться на обеде в Лок-клубе, Китти подумала: может, ее наконец пригласят вступить в его ряды? В конце концов, она за два коротких месяца превратилась в ведущего гонконгского коллекционера и филантропа.

Дверь лифта открылась, и Китти выскочила в фойе с глянцевыми стенами из черного дерева и эффектной, выполненной из черного мрамора и стали лестницей, ведущей в легендарную столовую. Один из администраторов лучезарно улыбнулся госте:

– Добрый день. Чем могу помочь?

– Я обедаю с мисс де Айала.

– Миссис де Айала?

– Да, я имела в виду миссис, – нервно сказала Китти.

– Боюсь, она еще не приехала. Пожалуйста, присаживайтесь в приемной, и мы проводим вас в столовую, как только появится миссис де Айала.

Китти вошла в комнату с обитыми шелком стенами и уселась в центре красного дивана от Ле Корбюзье, чтобы продемонстрировать себя с максимальной выгодой. Несколько женщин, выходя из лифта, пристально посмотрели на нее, и Китти не сомневалась, что причиной тому ее тщательно обдуманый наряд. Она выбрала черно-красное платье без рукавов и с цветочным принтом от Джамбаттисты Валли, красный затейливый клатч «Селин» из кожи ягненка и красные балетки с золотой пряжкой от Шарлотт Олимпии. Единственным ее украшением была пара рубиновых серег от Соланж Азагури-Партридж. Несмотря на длинный разрез на боку платья, наряд был непритязательным, так что пусть любая чванливая тайтай критикует ее. Китти не знала, что одной из женщин в лифте была Роза Хо, которая собиралась

обедать в компании Ады Пун и других бывших одноклассниц – все они учились в школе при монастыре Мэрикнолл.

– Девочки, вы ни за что не угадаете, кто сейчас сидит в приемной. Даю три попытки. Быстро, быстро!

– Дай нам какую-нибудь подсказку, – попросила Лэйни Луй.

– На ней платье с цветочным принтом, и ей определенно сделали операцию по уменьшению груди.

– Боже мой, это та лесбийская подружка Бебе Чоу? – хихикнула Тесса Чэнь.

– Нет, даже лучше...

– Ну кто, скажи нам! – умоляли дамы.

– Это Китти Понг! – торжествующе объявила Роза.

Лицо Ады побелело от презрения.

Лэйни смачно выругалась по-кантонски:

– Какого хрена? Как она посмела заявиться сюда после фортеля, который выкинула прошлой ночью!

– Кому хватило глупости притащить эту бабу сюда?! – спросила Тесса.

Ада медленно поднялась со стула и улыбнулась своим собеседницам:

– Я отлучусь на минутку? Пожалуйста, продолжайте есть! Не дайте вкусному черепаховому супу остыть.

Эванджелина де Айала вошла в приемную в симпатичном черно-белом платье-рубашке от «Ланвен» и чмокнула Китти сначала в одну, а потом в другую щеку.

– Извини за опоздание! У меня нет веских оправданий, кроме того, что я всегда на Маниле.

– Не волнуйся, я просто восхищаюсь искусством, – любезно ответила Китти.

– Довольно круто, не правда ли? Ты ведь коллекционируешь?

– Я только начинаю, только учусь, – скромно сказала Китти.

Ей было интересно: Эванджелина и вправду не знает о том, что Китти недавно купила самую дорогую картину во всей Азии, или притворяется?

Дамы вместе подошли к стойке регистрации, и тот же администратор тепло приветствовал их:

– Добрый день! Миссис де Айала, вы к нам сегодня на обед?

– Да, мы вдвоем, – ответила Эванджелина.

– Чудесно. Пожалуйста, пройдемте, – сказал администратор и повел девушек по изогнутой мраморной лестнице.

Когда они вошли в столовую, Китти заметила, что на них пристально смотрят посетители. Распорядитель клуба бросился к ним с серьезным выражением лица. «Господи, он лично поприветствует меня в качестве нового члена клуба», – размечталась Китти.

– Миссис де Айала, я прошу прощения, но, похоже, произошла какая-то путаница с нашей компьютеризированной системой бронирования. Боюсь, что сегодня у нас полная

рассадка и мы не можем принять вас на обед.

Администратор был ошеломлен таким заявлением, но ничего не сказал. Эванджелина выглядела озадаченной.

– Но я бронировала столик два дня назад, и никто не позвонил, чтобы сообщить мне эту новость.

– Да, я знаю об этом. Мы очень сожалеем, но, с вашего позволения, я забронировал вам столик прямо за углом, в «Юн Цзи» на Веллингтон-стрит. Место прекрасное, и я надеюсь, вы позволите нам угостить вас обедом, чтобы компенсировать доставленные неудобства.

– Вы уверены, что мы не успеем быстренько здесь пообедать? Нас всего двое, и я вижу несколько пустых столиков у окна, – с надеждой сказала Эванджелина.

– К сожалению, они уже забронированы. Еще раз прошу принять извинения и надеюсь, что вам понравится в «Юн Цзи», обязательно отведайте их невероятного жареного гуся, – сказал распорядитель, оттесняя Китти и Эванджелину к лестнице.

Когда они покинули клуб, Эванджелина все еще недоумевала:

– Как странно! Мне очень жаль – ничего подобного раньше не случалось. У этого клуба довольно странные правила. Минутку, я напишу водителю о смене планов.

Эванджелина достала телефон и увидела, что муж пытался до нее дозвониться.

– Привет, милый, как ты? Сейчас случилось кое-что

странное... – проворковала Эванджелина в трубку, но ее прервал поток ругани с другого конца. – Ничего! Мы ничего не сделали! – попыталась защититься она; Китти слышала, как муж Эванджелины продолжает распекать ее. – Я не могу объяснить... Я не знаю, что случилось... – Эванджелина становилась все бледнее и бледнее. Наконец она закончила разговор и изумленно посмотрела на Китти. – Извини, мне вдруг стало нехорошо. Не возражаешь, если мы пообедаем в другой раз?

– Конечно. Все в порядке? – спросила Китти, весьма обеспокоенная состоянием своей новоиспеченной подружки.

– Это был мой муж. Наше членство в Лок-клубе только что аннулировано.

После того как водитель увез Эванджелину, Китти осталась стоять на обочине, пытаясь понять, что произошло. Утром она проснулась такой счастливой и взволнованной и теперь была удручена тем, что планы на обед сорвались. Бедная Эванджелина! Вот это кошмар! Китти заметила женщину в старомодном брючном костюме, которая улыбалась ей.

– Все нормально? – спросила незнакомка.

– Да, – ответила Китти, слегка смутившись. Они где-то встречались?

– Я только что обедала в Лок-клубе и стала свидетелем произошедшего, – сказала женщина в качестве вступления.

– Да, это довольно странно, правда? Очень обидно за мою подружку.

– Что такое?

– Она не знала, что потеряла членство в клубе, и пыталась отвести меня туда на обед. Я думаю, сейчас ей крайне неловко.

– Эванджелину де Айала выкинули из клуба? – недоверчиво спросила женщина.

– Ох, вы ее знаете? Да, сразу после того, как мы вышли из клуба, позвонил ее муж и сообщил эту новость. Наверное, он натворил что-то ужасное, раз их выставили за дверь без предупреждения.

Женщина помолчала несколько мгновений, как будто пыталась выяснить, серьезно ли говорит Китти.

– Бедняжка, вы действительно не понимаете, что на самом деле произошло? В истории клуба всего три раза отменяли членство. Сегодня был четвертый. Де Айала, очевидно, были изгнаны, потому что Эванджелина пыталась привести вас в клуб.

Китти ушам своим не поверила:

– Это из-за меня? Что за глупая идея! Я впервые переступила порог клуба! При чем тут я?

Женщина с жалостью покачала головой:

– Тот факт, что вы даже не осознаете этого, очень огорчает меня. Но я думаю, что могу помочь вам.

– Что значит «помочь»? Кто вы вообще такая?

– Я Коринна Ко-Тун.

– Ко-Тун – как в названии парка?

– Да, а еще в названии улицы и крыла в больнице Королевы Мэри. А теперь пойдёмте. Думаю, вы наверняка умираете с голоду. Я вам все расскажу за ямча⁴⁹.

Коринна повела Китти на Лань-стрит в переулок за Башней Нового Света. Поднявшись в служебном лифте на три этажа, они оказались у заднего входа в ресторан «Цуй Хан Виллидж». VIP-персоны могли пройти здесь незамеченными.

Управляющий сразу узнал Коринну и бросился к ней, кланяясь в пояс:

– Мисс Ко-Тун, какая честь, что вы сегодня обедаете у нас!

– Спасибо, мистер Тэн. Можно нам отдельный кабинет, пожалуйста?

– Конечно. Прошу вас, идемте со мной. Как поживает ваша матушка? Пожалуйста, передайте ей мои наилучшие пожелания, – тараторил управляющий, пока они шли по коридору.

Дам проводили в отдельный кабинет, оформленный в неброских бежевых тонах, с большим круглым столом. На дальней стене висел телевизор с плоским экраном, там крутили канал Си-эн-би-си без звука.

– Я сообщу шеф-повару, что вы здесь, – уверен, он захочет прислать вам свои фирменные блюда.

⁴⁹ Эта фраза в переводе с кантонского означает «пить чай», но в Гонконге обычно подразумевается трапеза с чаем и димсамами. – *Примеч. автора.*

– Пожалуйста, поблагодарите его от меня заранее. А теперь не могли бы вы выключить телевизор?

– О, простите, конечно, – пробормотал менеджер, бросаясь к пульту дистанционного управления, как будто это была самая оскорбительная вещь в мире.

После того как гостям торжественно выдали горячие полотенца и налили по чашке чая, официант наконец покинул комнату.

Китти сказала:

– Вы здесь завсегдатай?

– Давно не приходила. Но я подумала, что здесь удобно поговорить без свидетелей.

– Тут всегда так хорошо к вам относятся?

– В целом да. Этому способствует и тот факт, что небоскреб стоит на земле, принадлежащей моей семье.

Китти была впечатлена. С ней никогда не обращались с таким почтением, даже после того, как она стала миссис Бернارد Тай.

– Вы действительно думаете, что супругов де Айала выкинули из клуба из-за меня?

– Я не думаю. Я знаю, – ответила Коринна. – Ада Пун состоит в комитете по приему новых членов.

– Но что она имеет против меня? Я только что сделала огромное пожертвование в фонд ее мужа.

Коринна вздохнула. Это будет сложнее, чем она думала.

– Я не была на балу, так как не посещаю подобные меро-

приятия, но уже на следующее утро мой телефон раскалился от звонков. Все только и говорили о том, что вы натворили.

– А что я сделала не так?

– Вы оскорбили Пунов до глубины души.

– Я просто пыталась быть щедрой...

– Вам случившееся представляется таким образом, но все, кто там был, увидели события совсем в ином свете. Сэру Фрэнсису Пуну восемьдесят шесть лет, и его все уважают. Награда должна была стать величайшим событием для него, кульминацией десятилетий гуманитарной работы, но когда вы вышли на сцену и объявили о пожертвовании прямо в середине его речи, это было воспринято как серьезное оскорбление. Вы тем самым обидели его семью, друзей и, что самое главное, его жену. Предполагалось, что вечер будет посвящен Аде, а вы помешали этому.

– У меня и в мыслях подобного не было, – ответила Китти.

– Будьте честны с собой, Китти. Конечно было. Вы хотели быть в центре всеобщего внимания, так же как и при покупке «Дворца Восемнадцати Совершенств». Но зрители в «Кристис» могут по достоинству оценить эффектное выступление, а гонконгское общество – нет. Ваши действия за последние несколько месяцев рассматриваются не иначе как вопиющие попытки купить себе пропуск в высший свет. До вас так поступали многие люди, но есть правильный способ сделать это, и есть неправильный.

Китти возмутилась до глубины души:

– Мисс Ко-Тун, я точно знаю, что делаю! Просто наберите мое имя в поисковике «Байду». Посмотрите все журналы и газеты. Блогеры и журналисты, ведущие колонки сплетен, пишут обо мне без остановки. Мои фотографии появляются каждый месяц во всех журналах. Я полностью изменила свой стиль за прошедший год, и на прошлой неделе «Оранж дейли» посвятил три страницы моим нарядам с красных ковровых дорожек.

Коринна отрицательно покачала головой:

– Разве вы не видите, что эти журналы просто эксплуатируют вас? Конечно, среднестатистический читатель «Оранж дейли», живущий в Яу Ма Тэй⁵⁰, решит, что ваша жизнь – настоящая сказка, но в определенных кругах гонконгского общества не имеет значения, носите ли вы самую классную одежду и увешаны ли бриллиантами на миллионы долларов. Любой человек такого уровня может себе это позволить. Все богаты. Каждый может сделать пожертвование в двадцать миллионов долларов, если действительно захочет. Этих людей постоянное мелькание ваших фотографий на страницах светской хроники на самом деле скорее раздражает, поскольку воспринимается как отчаяние. Поверьте мне, фотографии в «Татл» не изменят ваш имидж к лучшему. Так вы не получите ни членство в Лок-клубе, ни приглашение на ежегодную вечеринку миссис Ладури на ее вилле в Рипалс-Бей.

⁵⁰ *Яу Ма Тэй* – относительно «бюджетный» район Гонконга со старой застройкой.

Китти не знала, стоит ей верить или нет. Как смела эта дамочка, которая выглядела так, будто ее подстригал дешевый парикмахер в Вонкоке, давать ей советы по поводу имиджа?

– Миссис Тай, позвольте немного рассказать о том, чем я занимаюсь. Я консультирую людей, которые хотят занять место среди азиатской элиты – среди по-настоящему влиятельных персон.

– При всем моем уважении, я замужем за Бернардом Таем. Мой муж – один из самых богатых людей в мире. Он и так уже влиятелен.

– Да неужели? Ну а где сейчас Бернارد? Почему я не вижу его на важных мероприятиях? Почему в прошлый четверг он не был на обеде главы администрации в честь пятидесяти самых авторитетных лидеров Азии? Или на вечеринке, которую моя мама устроила вчера вечером для герцогини Оксбриджской? Почему вас там не было?

Китти не знала, что ответить. Она почувствовала, как волна унижения захлестнула ее.

– Миссис Тай, я буду предельно откровенна. У Таев всегда была подмоченная репутация. Дато был корпоративным рейдером из какого-то малайского захолустья. Другие магнаты презирали его. И теперь его сын считается горе-тусовщиком, который унаследовал состояние, но не работал ни дня в жизни. Все знают, что Кэрол Тай по-прежнему контролирует все деньги. Никто не воспринимает Бернарда серьезно, особенно после женитьбы на бывшей порнозвезде из мате-

рикового Китая, которая переквалифицировалась в актриску сериалов.

Китти выглядела так, словно ее ударили по лицу. Она открыла рот, чтобы возразить, но Коринна продолжила:

– Мне все равно, насколько правдивы эти слухи, я здесь не для того, чтобы вас судить. Но думаю, вам нужно знать, что в Гонконге говорят о вас. Все, кроме Эванджелины де Айала, которая, как мы обе знаем, сама новичок в нашем городе.

– Она была первой, кто проявил ко мне участие, с тех пор как я вышла замуж, – грустно сказала Китти. Она пару секунд разглядывала свою салфетку, прежде чем продолжить. – Я не так глупа, как вы думаете. Знаю, что говорят люди. Ко мне все ужасно относились, и это началось задолго до бала. Я сидела рядом с Араминтой Ли на шоу Виктора и Рольфа в Париже в прошлом году, и она притворилась, будто меня вообще не существует. Что я сделала, чтобы заслужить это? В свете полно людей с темным прошлым, намного хуже, чем у меня. Почему я стала изгоем?

Коринна несколько мгновений оценивающе изучала Китти. Она ожидала, что эта девушка окажется гораздо более меркантильной, ее наивность озадачивала.

– Вы действительно хотите, чтобы я ответила вам?

– Да, пожалуйста.

– Ну, для начала, вы с материка. Вы же знаете, как большинство гонконгцев относятся к материковым китайцам. Нравится вам это или нет, но придется из шкуры вон лезть,

чтобы преодолеть предрассудки. Увы, вы сами себе навредили уже в начале гонки. Куча народу никогда не простит вас за то, как вы поступили с Алистером Чэном.

– С Алистером?

– Да. Алистер Чэн очень популярен. Вы разбили ему сердце – и нажили врагов в лице всех девушек, которые его обожали, и всех людей, уважающих его семью.

– Я не думала, что у Алистера какая-то особенная семья.

Коринна фыркнула:

– Алистер не возил вас в Тайерсаль-парк?

– Куда?!

– Боже мой, вы никогда не подходили к воротам дворца?

– О чем вы? Какой еще дворец?

– Не важно. Дело в том, что мать Алистера – Алекс Янг, и через нее он связан родственными узами со всеми важнейшими азиатскими семьями. Это малазийская ветвь Леонгов, аристократы Цяни, Шаны, которые владеют практически всем. Прошу прощения за то, что приходится открыть вам глаза, но вы сделали ставку не на ту лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.